

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ БЕЛЬГИИ*

ГЕНТ

...Перезвон колоколов возвестил об открытии Пасхального фестиваля в Санкт-Петербурге (2004 г.). Фестиваль впервые представил обширную программу региональных концертов, проводившихся в девяти российских городах: Великом Новгороде, Вологде, Владимире, Костроме, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Рязани, Твери и Ярославле. Среди его участников были представлены хор и оркестр старинных инструментов Collegium Vocale под управлением Филиппа Херрвега (Гент, Бельгия)...

Гент (фламандск. Gent, франц. Gand, средневек. Ganda) — бывшая столица графства Фландрского, где родился Карл V — самый могущественный испанский император. Кажется, что время застыло в Генте с его древними замками, крепостью, огромным готическим собором, старинной ратушей, на колокольне которой некогда красовался могучий вечевой колокол «Роланд», разбитый по приказу Карла, лишившего Гент его вольностей. Старый канал соединяет город с морем, благодаря чему Гент не потерял своего торгового значения. Летом город утопает в цветах; они были славой Гента и принесли ему имя «Город цветов».

НАЧАЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Об истории основания Гента повествует в своих записках князь Алексей Мещерский, побывавший в этом городе в 1839 г. Вначале он описывает местоположение Гента: «В прекрасной равнине, при соединении четырех рек, образовалась куча небольших островов; на них выстроен Гент — Бельгийская Венеция. Число островов простирается до 26 — они соединяются между собой мостами, из которых 44 каменных и 33 деревянных»¹.

Затем русский путешественник поясняет своим читателям историю происхождения названия этого города. «На реке Шельда стоит замок, называвшийся Blandinium, другой на реке Лисе, — Ганда, давший имя городу. Замок Ганда был славен в течение 7-го века,

* Публикуется в авторской редакции.

что можно видеть из рескрипта папы Евгения (654–657), где он называет его *Famosum castrum, nomine Ganda*»².

Российский литератор Н.И. Греч, побывавший в Генте в 1843 г., дополняет сказанное Алексеем Мещерским. «Один из самых важных городов нидерландских, в историческом отношении, есть Гент, называемый по-французски *Gand*. Он известен с пятого века, и уже в 655 году славился твердостью своего замка. Жившие в нем язычники поклонялись богу Меркурию, пред статуей его, вылитой из серебра»³.

Далее Н.И. Греч повествует о начале христианизации Гента: «В 629 году король Дагоберт прислал в Гент святого Аманда, для рассеяния мрака, невежества и идолопоклонства. Святой муж разрушил идола, водворил христианство и построил два монастыря. В то же время один богатый люттихский помещик, Алловин де-Бавон, увлеченный проповедью святого Аманда, крестился и отдал сим монастырям все свое имущество. По смерти его крестились еще шестьдесят рыцарей, и в память Бавона построили церковь»⁴.

Итак, покровителем Гента считается святой Баво, живший в первой половине VII в. Алловин — таково было его мирское имя — происходил из знатной семьи в Брабанте (соврем. Восточная Бельгия). В молодости он вел беспутную жизнь, но после ранней смерти супруги, дочери графа Адиллиона, раскаялся и отправился к «апостолу Бельгии» — св. Аманду. Под его влиянием Алловин решил оставить мир и вступил в основанный св. Амандом (между 630 и 640 гг.) монастырь, стоявший на месте современного Гента. (В кафедральном соборе Гента есть картина Рубенса: «Принятие св. Бавона в Амандское аббатство».)

Раздав свое имущество бедным, Баво стал сподвижником св. Аманда в его миссионерском служении. Последние три года жизни Баво провел в уединении, поселившись в отдельной келье около монастыря. Скончался он около 659 года и был похоронен в монастыре Гента, который с IX в. стал носить его имя. Посвященный св. Баво Гентскому старейший храм города в 1559 г. стал кафедральным собором⁵.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕНТ

В древности Фландрия была населена кельтскими племенами; в I в. до Р.Х. вошла в состав Римской империи. В IV в. по Р.Х. во Фландрии были организованы военные поселения германцев. После распада Римской империи Фландрия сделалась частью франк-

ского государства Меровингов и Каролингов. В IX в. во Фландрии образовалась местная династия, основанная графом Бодуэном (Балдуином) I по прозвищу «Железная Рука».

Об истории Гента эпохи раннего средневековья повествует Н.И. Греч. «Около 866 года первый граф Фландрский, Балдуин Железная Рука, для обороны земли своей от норманнов, построил в Генте крепость, названную Графским Замок (Chateau du Comte, s' Graevensteen), — пишет Николай Иванович. — В 968 году граф Фландрский, Балдуин Младший, поселил в Генте ткачей и сукноделов: это было основанием знаменитым суконным фабрикам гентским»⁶.

Важные события в истории Гента произошли в эпоху правления графа Фландрского Филиппа Эльзасского; вот что пишет об этом все тот же Н.И. Греч: «В 1177 году Филипп Алзатский (Эльзасский. — *Авт.*) дал Генту права вольного города, освободил его от податей и службы; граждане получили право собираться для суждения о своих выгодах, сами выбирали своих правителей, имели свою печать, вечевой колокол (beffroi) и расправу (суд. — *Авт.*). Многие богатые жители Гента выстроили укрепленные дома с башенками; некоторые уцелели поныне. Торговля их значительно распространилась; богатства умножились»⁷.

Граф Филипп повелел воздвигнуть в Генте новый замок; он сохранился до нашего времени. Графский замок — «гравенкастел» — стоит на фундаменте крепости, возведенной еще Балдуином Железная Рука. Замок, построенный по приказу Филиппа в 1180 г., — одна из старейших цитаделей Европы. Войти в замок можно с площади, где над воротами, в толще въездной башни прорезан крест — память о походе Филиппа в Палестину с войсками крестоносцев.

Видное место в истории Гента занимает граф Фландрский Бодуэн (Балдуин) IX (1171–1205), основатель Латинской империи (1204–1261) и ее первый император. Вот что пишет об этом Н.И. Греч: «Балдуин IX, бывший впоследствии императором Константинопольским, установил в Генте тариф о пошлине с вывозимых и привозных товаров и старался о введении во Фландрии единообразных весов и мер. В 1202 году запрещено было гражданам Гента приобретать недвижимые имущества вне города, и они принуждены были употреблять все свои капиталы на фабрики и торговлю. Людей праздных и безремесленных изгоняли из города. Богатых и промышленных иностранцев привлекали всеми средствами»⁸.

Фламандские города, в том числе и Гент, еще в начале XII в. вступили в борьбу с феодальными сеньорами за право самоуправления.

Французские короли не раз использовали это обстоятельство как предлог для вмешательства в дела Фландрии. Так, в 1300 г. французский король Филипп IV Красивый (1268–1314) завоевал Фландрию: «Филипп Прекрасный, пленив графа Фландрского Гвидо де Дампиера, занял Гент и объявил Фландрию своим достоянием»⁹, — пишет Н.И. Греч.

Жители Фландрии мечтали об избавлении от иноземного владычества; чаяния фламандцев нашли свое отражение в «Божественной комедии» Данте:

Когда бы Гвант, Лиль, Бруджа и Дуак
Могли, то месть была б уже свершенной;
И я молюсь, чтобы случилось так¹⁰.

Гвант (Гент), Лиль (Лилль), Бруджа (Брюгге) и Дуак (Дуэ, латинск. *Duacut*) — главные города Фландрии. Автор хотел бы, чтобы Фландрия отомстила Филиппу IV за нанесенные обиды.

В 1302 г. Данте Алигьери (1265–1321) был изгнан из Флоренции своими политическими противниками. И в том же 1302 г., в сражении при Куртре, фламандское народное ополчение разгромило французов. Вот что пишет об этом Н.И. Греч: «Жители Гента, жестоко притесняемые завоевателем, решились освободить отечество свое и государя. Брюжский ткач, Петр де Коннинг, взяв себе в помощники мясника Ивана Брейделя, набрал толпу отважных людей, прозванных львиными когтями (*klauwaerts*), истребил и изгнал всех французов и их сообщников, и отдал под начальство сына графского, Гвида, армию в шестьдесят тысяч человек.

Войско сие сразилось с пятидесятитысячной французской армией близ аббатства Грунинге, неподалеку от Куртре, и разбило ее наголову. В этот день погиб цвет французского дворянства: более семисот золотых шпор, найденных на поле битвы, повешены были в грунингенской церкви»¹¹.

В борьбе с Францией Фландрия должна была искать помощи у Англии, с которой ее связывали общие торговые интересы. (Англия поставляла шерсть для фламандских суконщиков.) Особенно тесный союз был заключен между Фландрией и Англией во время Столетней войны (1337–1453). В Генте были как сторонники союза с Англией, так и его противники, вследствие чего город потрясали политические распри. «В половине XIV века Гент принял участие в вековой борьбе Англии с Францией, — пишет Н.И. Греч. — Граф

Лудовик Фландрский держался стороны французов. Жители Гента, руководимые патрицием своим, Яковом Артевельдом, требовали исключительного союза с Англией. Воспылала междоусобная война. Артевельд, возведенный на степень регента Фландрии, побудил короля английского Эдуарда присвоить себе титул и герб короля французского. Он употреблял все силы свои, чтобы подчинить Гент англичанам, и, наконец, был умерщвлен (24-го июля 1344 г.) раздраженным народом, не желавшим изменить графу Фландрскому»¹².

Самые драматические события в жизни Гента происходили на площади Пятничного рынка. Здесь совершался церемониал, называемый «Радостным приемом», когда очередной правитель клялся «соблюдать и требовать соблюдения законов, привилегий и обычаев графства и города». «В истории Гента играла важную роль площадь его, называемая Пятничным Рынком (*le marche de Vendredi*), бывшая позорищем многих важных, отчасти кровавых происшествий, — пишет Н.И. Греч. — На ней буйный народ (*les tetes dures de Flandre*) водружал знамя свое, когда полагал, что вельможи нарушают права его; на ней происходили великолепные торжества вступления графов Фландрских во владение городом»¹³.

В центре Пятничной площади возвышается бронзовая статуя Якоба ван Артевельде, знаменитого гентского хофмана (флам. *hoofman*) — капитана, одного из начальников городского самоуправления. Здесь, где теперь высится его изваяние, Артевельде в дни начала Столетней войны обращался к своим согражданам, призывая их вступить в союз с английским королем, чтобы обрести независимость от «сторонников лилии». И потом здесь же 26 января 1340 г. Эдуард III Английский был наречен французским королем и поклялся дать фламандским городам большие привилегии, военную защиту и субсидию в полтора миллиона фунтов стерлингов¹⁴.

В 1366 г. сын французского короля Иоанна II Доброго Филипп II Смелый (Храбрый) (1342–1404) завладел герцогством Бургундия, после чего, женившись на Маргарите, дочери графа Фландрского, он объединил под своим скипетром Бургундию и Фландрию (1384 г.). «По выходе в замужество Маргариты Фландрской за Филиппа Смелого, Фландрия подчинилась могущественному Дому Бургундскому, но распри и междоусобия не прекращались»¹⁵, — пишет Н.И. Греч.

В следующем, XV столетии бургундский герцог Филипп III Добрый (1396–1467, с 1419 г. — герцог) «приобрел» Брабант и Голлан-

дию (1433 г.). Гент разделил участь покоренных земель, и об этом также повествует Н.И. Греч: «Жители Гента были разбиты герцогом Бургундским Филиппом Добрым в 1433 году на равнине Гавра (Gavre); шестнадцать тысяч человек были убиты или потонули в Шельде. Гент лишился большей части своих привилегий. Аббат церкви св. Бавона, двадцать пять старшин и две тысячи граждан явились в лагерь раздраженного герцога и просили помилования: они принуждены были заплатить 400000 золотых талеров»¹⁶.

При герцоге Карле Смелом влияние Бургундии в средней Европе значительно возросло. В 1477 г. в результате брака Марии Бургундской — дочери Карла Смелого — с Максимилианом Габсбургом Фландрия стала имперским владением. Вот что пишет Н.И. Греч о судьбе тогдашних жителей Фландрии: «Карл Смелый стеснил их еще более. В 1477 г. праздновали в Генте бракосочетание дочери его, Марии, с эрцгерцогом Максимилианом, сыном императора Фридриха III, и с сего времени Нидерланды поступили во владение Австрийского Дома»¹⁷.

В 1555 г. при разделе империи Карла V австрийская часть Бургундии перешла во владение Испании. К испанским Габсбургам, в составе Нидерландов перешла и Фландрия. Последнее обстоятельство отмечено в записках русского посла А.А. Матвеева, который посетил Гент в 1705 г. «Тот город, — писал А.А. Матвеев, — обретается во Фляндрии фляндской под державою Гишпанскою»¹⁸.

ГЕНТ — РОДИНА ИМПЕРАТОРА КАРЛА V (1500–1558)

Гент был родиной Карла V, короля Испании и Неаполя с 1516 г., императора Священной Римской империи с 1519 г. 24 февраля 1500 г. в Генте у Филиппа Красивого и его жены Хуаны (Иоанны) Безумной родился сын, нареченный Карлом.

«Тот цесарь, — писал про Карла V русский посол А.А. Матвеев (1705 г.), — родился, по описанию историков достоверных, в сем городе и крещен в катедральной, или соборной, великой церкви 1500 годе февраля 25-го дня. Он родился на *принцессе Гофе* в малой самой каморе, которая донныне невредно стоит, украшена изрядными резьми всех в его цесарскую жизнь славных бывших побед и дел, которую посол видел. В той же каморке написано над камином латинскими литерами, что в день святого Матвеа в малой сей каморе рожден Карол пятый»¹⁹. (Карл V родился во дворце Prinzenhof; это название и вызвало такой странный перевод — «*принцесса Гофа*»).

Более подробные сведения о рождении Карла V можно найти в заметках Н.И. Греча. «Карл V родился в Генте. Можно сказать, что странные обстоятельства его рождения предвещали и необыкновенную жизнь его, — пишет Николай Иванович. — Иоанна Арагонская, мать его, ревнивая до безумия, хотела непременно присутствовать на бале, данном ее супругу, чтобы не выпустить его из глаз. Вдруг она скрылась; дамы стали искать ее и нашли не в самом пристойном кабинете, где схватили ее муки. Ей подали помощь вовремя, и она разрешилась от бремени принцем. Это случилось во Дворце Принцев (la Cour des Princes), который существует донныне. Комната, в которой произошло рождение Карла, впоследствии была украшена барельефами, но в 1835 году сгорела. Домовая церковь Карла V и сына его, Филиппа II, превращена в бумагопрядильную фабрику»²⁰.

Судьба сделала Карла королем Испании, а затем и императором Священной Римской империи, могущественнейшим государем Европы. Карл V восхищался Гентом, но не любил его. Он хвалился перед Франциском I: «Я упрячу весь Париж в мою перчатку» (Je mettrai tout Paris dans mon gant, Gand). (По-французски название города Гент — Gand и слово *перчатка* (рукавица) — gant звучат одинаково.) (Но более правдоподобным кажется другое объяснение: Гент стоит при слиянии Лиса и Шельды; по-латыни «ганда» — «слияние».)

После отречения Карла V от престола в 1555 г. его владения были поделены между его сыновьями: Филиппом II, ставшим королем Испании, и Фердинандом I, ставшим императором. Нидерланды отошли к Испании.

Хотя Карл V подавлял стремление жителей Гента сохранить городские вольности, они, тем не менее, гордились своим знаменитым земляком. Как сообщает в своих записках Н.И. Греч, «жители Гента воздвигли в 1600 году на Пятничной площади колонну в память славного уроженца своего, Карла V, с надписями, возвещавшими о славных подвигах великого императора. Французы разрушили колонну, заняв Гент во время революционной войны»²¹.

Вот еще несколько колоритных зарисовок старинного Гента, вышедших из-под пера отечественного литератора.

На углу одной улицы стоит, на каменном основании, огромная пушка, длиной в 18 футов, в окружности в 10 1/2 футов, называемая de dulle griate. Она отлита в 1382 году, и была употребляема гентцами в 1452 г. при осаде Уденарда.

На Пятничном Рынке уцелели еще некоторые старинные дома, и в том числе здание с башней, в котором происходили собра-

ния мятежных граждан. К одной стене его прибито большое железное кольцо; в это кольцо вдевали штуки привезенного на торг полотна, которое найдено было браковщиками не добротным; потом раздавали его по госпиталям. Главный торг происходит здесь по пятницам, но и по вторникам бывает торг рано утром, до солнечного восхода: он называется воровским потому, что на нем нередко продаются краденые вещи. Все это любопытно тем, что длится в продолжение нескольких веков.

На Зеленой Набережной (*Quai aux herbes*) красуется готической архитектурой дом гентских суконщиков (*navieurs*), построенный в 1531 году. Он имеет вид пирамиды, и украшен гербом Карла V и знаками сословия, которым был построен²².

НИДЕРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ; ДВИЖЕНИЕ «ИКОНОБОРЦЕВ»

Вскоре после начала Реформации в Германии (1517 г.) идеи Мартина Лютера стали распространяться и во Фландрии. Уже в 1521 г. правительство по требованию Римско-Католической Церкви должно было издать законы против еретиков (так называемые «плакаты»). В июле 1521 г. в Генте было сожжено 3 тысячи еретических книг; при этом присутствовал император Карл V²³.

Испанский король Филипп II (1528–1598), сын императора Карла V, получивший во владение Нидерланды (1555 г.), содействовал укреплению влияния Римско-Католической Церкви. Так, в 1557 г. в темницу Графского замка (Гент) был брошен вождь французских протестантов адмирал Гаспер Колиньи²⁴. Но «силовые методы» императорской власти вызвали противодействие со стороны части фламандцев, и в 1566 г. началась Нидерландская революция, принявшая форму религиозного противостояния между католиками и протестантами.

Слишком известны кровавые расправы, междоусобные брани и казни, раздиравшие Нидерланды в правление Филиппа II, поручившего свирепому герцогу Альбе смирить ревностных последователей нового учения и укротить строптивость беспокойных, — пишет Н.И. Греч. — Обе партии старались превзойти одна другую неистовствами и свирепством. Фанатическими внушениями протестантских проповедников составила (в 1566 году) толпа иконоборцев, из людей простого звания, бродяг и разбойников, стекшихся отовсюду: они вламывались в католические церкви, разру-

шали алтари, статуи, картины, опустошали и грабили монастыри: в одну неделю разграблены были в Брабанте более шестисот церквей.

Граф д'Эгмонт, прибывший в Гент от имени Филиппа II, для восстановления королевской власти и католического богослужения, утешил мятеж средствами мирными и кроткими. Но для Филиппа этого было недовольно: в 1567 году явился в Нидерландах герцог Альба, и благородный Эгмонт сделался одной из первых жертв его. Учреждено было так называемое кровавое судилище (Bloed raed); оно осуждало на смерть каждого подсудимого, не разбирая ни вины его, ни оправданий²⁵.

Борьба шла с переменным успехом, и 8 ноября 1576 г. в Генте Генеральные Штаты всех 17 провинций обнародовали т.н. «Гентское умиротворение» — соглашение о союзе между северными протестантскими провинциями, выступившими против власти испанцев, и южными землями, которые также участвовали в освободительной борьбе, но не собирались отказываться от католической веры. Одним из пунктов договора была отмена «плакатов» против еретиков и освобождение арестованных на их основании лиц. Так была установлена взаимная веротерпимость католиков и протестантов²⁶.

ГЕНТ В ЭПОХУ ПЕТРА I

В 1705 г. Гент посетил русский дипломат А.А. Матвеев, направлявшийся из Гааги в Париж в составе неофициальной миссии к французскому двору: «В сем городе (Генте) с 15 дня до 17 (дня сентября) пробыл для отпуску почты к Москве и для опочину своих лошадей».

В начале XVII в. Гент был крупным церковным центром, в нем было много церквей и монастырей: «В том же городе костелов и кляшторов, или монастырей, розных законов мужеска и женска полу с 70 быть сказывают»²⁷, — отмечалось в записках Матвеева.

В Генте русский посол познакомился с монахами августинского ордена — одного из нищенствующих орденов Римско-Католической Церкви. Его устав был утвержден папой Иннокентием IV в 1244 г. Здесь русский посол «был в кляшторе законников правила святого Августина, которыя носят белое платье. Те августинная посла приняли с великим почтением и все службы монастыря своего, и трапезу, и огород объявили, что достойно было смотрения»²⁸. «Птенец гнезда Петрова» А.А. Матвеев, как и русский царь, относился с широкой веротерпимостью к представителям инославия, и это позво-

лило ему иметь хорошие отношения с католическим духовенством стран Западной Европы.

Одной из достопримечательностей Гента является ратуша, построенная в конце XV в. и частично перестроенная в 1600–1618 гг. Ее фасад, что выходит в сторону беффруа (колокольни), построен в стиле «пламенеющей готики». Позднее был возведен ренессансный фасад со стороны Масляного рынка.

Старинное здание в Генте есть ратуша, построенная не на площади, как в других городах Бельгии и Голландии, а на углу двух улиц, — пишет Н.И. Греч. — Один фасад ее на улицу Haute-Porte, совершенно готический, построен в 1487 году и с тех пор не совершенно кончен. Другой фасад на Масляный Рынок) выстроен в начале XVII века, в классическом итальянском вкусе: в нижнем ярусе колонны дорические, в бельэтаже ионические, в верхнем коринфские²⁹.

Упомянув в своих записках про «ратуш, или приказ, которой великого и старинного, однако ж изрядного здания, богатою рукою построенного»³⁰, А.А. Матвеев обратил внимание на церковный уклад деятельности городских властей: «В том же ратуше олтарь с изрядным уборством и с иконами живописными дивными, разделен великими точеными из зеленой меди балясами, где повинные судьи всего правительства, прежде отслушав миссы, или божеи службы, на всякой день, итти в тот ратуш для росправы всяких настоящих дел своих»³¹.

В конце XIX в. внутренняя отделка ратуши была сделана заново, но с большим вкусом и точным ощущением ушедшей эпохи: деревянная обшивка с готическим орнаментом, витражи, массивная мебель. В капелле «Эшевенов Кере» («Хранителей городской конституции») артистично воссоздана атмосфера Средневековья; часовня поражает готическим великолепием³².

При более подробном описании города русский посол упоминает о присутствии испанских войск в Генте, в котором «учинена особая цитадель, или крепость, которая попремногу укреплена водовзводом из реки, называемой Шели, которая в трех местах сквозь тот город протекает; в той крепости стена каменная не само высокая, в крепости ж той и в городе был тогда один баталион гишпанских солдат. Вышепомянутой сей город, — продолжает А.А. Матвеев, — гораздо велик и пространен, 2 с полчасом часа сказывают быть за известно обходу времени около его; жилье в нем зело многолюдное, дома все каменные обрасцов старинных»³³.

В 1713 г. в Утрехте был заключен мирный договор, завершивший войну европейских держав за «испанское наследство», и Фландрия стала австрийской провинцией. А в начале апреля 1717 г. в Генте, проездом во Францию, побывал русский царь Петр I. В «Истории Петра» А.С. Пушкин пишет: «Петр осмотрел Ган (Гент. — *Авт.*) и Остенд, где простил одного преступника, ведомого на казнь; 10 апреля прибыл в Дюнкерк, первый французский город»³⁴.

ГЕНТ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

С 1714 г. на протяжении нескольких десятилетий Фландрия входила в состав Австрийских Нидерландов. Вот как характеризует этот период Н.И. Греч: «Царствование Марии Терезии (1717–1780, императрица с 1740 г. — *Авт.*) оставило по себе самые благодарные воспоминания. Иосиф II (с 1766 г. — соправитель Марии Терезии. — *Авт.*), в пламенном рвении своем к упрочению благоденствия своих подданных, отменил разные старинные обыкновения и остатки времен феодальных; упразднил многие монастыри, ограничил власть папы, и ввел новое судопроизводство, сообразное с требованиями века. Неразумные бельгийцы видели в сих полезных и благодетельных переменах, внушенных императору искренней любовью к народу, нарушение своих нелепых старинных прав, и подняли знамя бунта»³⁵.

Российская императрица Екатерина II осуждала бельгийскую политику Иосифа II: «В сем деле его оправдать нельзя: то он от них (бельгийцев. — *Авт.*) все отнимал, то возвращал, то паки отнимал и паки возвращал»³⁶. Преемник Иосифа II — его брат Леопольд II (1747–1792, император с 1790 г.) пытался подавить восстание бельгийцев, но в 1789 г. во Франции началась революция, и это эхом прозвучало в Южных Нидерландах.

В результате Брабантской революции 1789–1790 гг. Бельгия провозгласила независимость («Соединенные Штаты Бельгии»), но вскоре вновь была присоединена к Австрии, а в 1795 г. — к Франции. «Вспыхнула Французская революция, и Нидерланды сделались театром кровопролитной войны, кончившейся присоединением их к Франции»³⁷, — пишет Н.И. Греч.

Наполеоновская эпоха в истории Гента была отмечена несколькими визитами «высоких лиц». «В 1803 году Наполеон, бывший тогда на высшей степени еще незапятнанной славы, с императрицей Жозефиной посетил Гент, с величайшим вниманием рассматривал

выставку произведений бельгийской промышленности и щедро наградил отличившихся фабрикантов, — пишет Н.И. Греч. — Купечество угостило его на Парадной площади (Place d'armes), превращенной в огромный шатер»³⁸.

Впоследствии Наполеон «запятнал свою славу» агрессией против ряда европейских держав, и в ходе Отечественной войны 1812 г. наполеоновская армия была изгнана за пределы России. И снова в Гент пожаловал именитый гость. «20-го июня 1814 года император Александр, по возвращении из Англии, был принят в Генте с искренним усердием, — пишет Н.И. Греч. — Мимо окон дома графа Стегейзена, в котором он остановился, проходили два французские полка, возвращавшиеся из Гамбурга: достойно замечания, что один из этих полков, за полтора года пред тем, *первый* вступил в Москву»³⁹.

Но наполеоновская эпоха на этом еще не завершилась. До сих пор в Генте сохраняется изящная постройка XVIII столетия — гостиница Хане-Стенхейс, где прожил столь печальные для него «Сто дней» (1815 г.) изгнанный из Парижа Наполеоном Людовик XVIII. «Роялисты, гуляя по Итальянскому бульвару в Париже, названному Гентским (boulevard de Gand), распевали: *Rendez-nous notre paire de gants, pere de Gand*»⁴⁰, — пишет Н.И. Греч.

Это была эпоха перекраивания границ; рождались новые государства, исчезали старые. В 1814 г. в «нейтральном» Генте «собрался конгресс министров английских и американских. 24-го Декабря они заключили мир между Великобританией и Северо-Американскими Штатами»⁴¹.

А в следующем, 1815 г., на Венском конгрессе Бельгия была включена в состав Нидерландского королевства. Окончательную независимость Бельгия обрела в 1830 г., и Фландрия оказалась ее небольшой частью. В первые годы независимости в стране был экономический спад; по словам Н.И. Греча, «Гент, процветавший торговлей и промышленностью, лишился большей части источников своего благосостояния, и ныне горько оплакивает бедственное свое состояние. В 1832 году составила, было, в нем партия для воссоединения Бельгии с Голландией, но не имела успеха»⁴².

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

В центре старинного Гента возвышается готический собор св. Бавона (Синт-Бафс-катедрал); до 1540 г. — церковь Синт-Янс-

керк, с 1559 г. — собор. «Из церквей Гента знаменитейшая есть собор святого Бавона, основанный в 994 году и конченный в начале XVI века, — пишет Н.И. Греч. — Вскоре потом церковь сия была опустошена иконоборцами»⁴³.

О трудной судьбе кафедрального собора в эпоху Нидерландской революции повествует и князь Алексей Мещерский⁴⁴. «Кафедральная церковь, с ее готической архитектурой, величественна, — пишет русский князь. — Этот храм, также потерпевший во время различных политических переворотов, почитается, однакож, одним из богатейших римского исповедания <...> Во время борьбы истинной веры с идолопоклонством (католиков с реформатами. — *Авт.*) христиане отправляли богослужение, укрываясь в пещерах или подземных церквах; здесь сохранилась одна из таких: она с 1540 года стала известна под именем св. Бавона, а прежде носила имя св. Иоанна»⁴⁵.

Вместе с Николаем Ивановичем Гречем войдем под своды гентского кафедрального собора. «Внутренность его великолепна и богата. Стены выложены большей частью черным мрамором, перила белого и разноцветного мрамора, врата приделов бронзовые; по стенам и в нишах красуются статуи и картины, — пишет российский литератор. — Над хором висят знамена кавалеров Золотого Руна. Последнее собрание капитула их происходило в сем соборе, под председательством Филиппа II, в 1559 году. Над главным алтарем возвышается статуя св. Бавона. Перед ним стоят четыре большие медные канделябра, с *английскими* гербами. Говорят, что они стояли в лондонской церкви св. Павла и проданы Кромвелем»⁴⁶.

Русские паломники, посещавшие гентский кафедральный собор, восхищались картиной кисти Рубенса, посвященной св. Бавону. Вот что пишет Н.И. Греч об этом шедевре фламандской живописи: «Меня заняла Рубенсова картина, представляющая св. Бавона, как он, оставив военное звание, идет в монахи. Говорят, что Рубенс в главной фигуре изобразил самого себя, а в двух женщинах — жен своих. Композиция, выражение, отделка и колорит — все сильно, живо, увлекательно! Всем этим можно восхищаться без пособия какой-либо теории»⁴⁷.

Сведения, приведенные Н.И. Гречем, дополняет князь Алексей Мещерский: «В 14-й часовне (кафедрального собора. — *Авт.*) — картина Рубенса: принятие св. Бавона в Амандское аббатство. Возвращенная из Парижа, она поступила в Брюссельский музей, но жители города усиленными представлениями получили ее обратно»⁴⁸, — отмечает русский путешественник.

Под сводами гентского кафедрального собора в 1705 г. сподобился побывать и русский посол А. А. Матвеев. В его записках можно прочесть про «костел бископов» — один из старейших во Фландрии: «Тот костел премножество имеет в себе алтарей и древних живописных икон неocenенного художества, и под первыми олтарями преславной работы в меру человеческую изваянныя Страсти Спасителя, снятие со Креста и положение во гроб»⁴⁹. Здесь же русский посол видел усыпальницы гентских епископов: «В том же костеле бископов гробы, над которыми подобие их из белого мрамора изваяны вельми хитрым художеством, каковы оне в жизни своей обретались»⁵⁰.

ГЕНТСКИЙ АЛТАРЬ

В Гентском кафедральном соборе находится знаменитый алтарь работы братьев Ван Эйков (Губерт ван Эйк, ок. 1370 — ок. 1426; Ян ван Эйк, ок. 1380–1440), исполненный ими в 1432–1439 гг. Паломники, посещавшие Гент, издавна спешили в собор св. Бавона, чтобы лицезреть Гентский алтарь, перед которым в XVI в. преклонил колени Альбрехт Дюрер: «Я видел картину Яна (ван Эйка. — *Авт.*), это драгоценнейшая и превосходнейшая картина, и особенно хороша Ева, Мария и Бог-Отец»⁵¹, — писал немецкий художник. В том же XVI в. Гентский алтарь прятали от изуверского фанатизма икоборцев.

Всемирно известный Гентский алтарь знаком многим из нас по многочисленным репродукциям и не нуждается в описании. Однако строки князя Мещерского, посвященные этому шедевру средневековой живописи, представляют определенный интерес: ведь русские читатели впервые знакомились со священными изображениями кисти ван Эйков именно по книге именитого русского паломника.

Соборный храм имеет 24 часовни, — пишет Алексей Мещерский. — В 11-й часовне хранится живопись, знаменитая в Европе; предмет взят из Откровения св. Иоанна Богослова: святые Старого и Нового Завета приносят хвалебное пение Агнцу; по правую руку — лики старозаветных патриархов и пророков; по левую — апостолы и мученики; вдали — высшее духовенство; монахи и монахини с пальмовыми ветвями в руках.

Под нею другие три картины; на средней изображен Спаситель в одежде Первосвященника, благословляющий верных; на другой, по правую сторону, — Пресвятая Дева, а по левую — св. Иоанн Креститель.

Эта удивительная картина была написана 400 лет тому назад двумя братьями: Гюбертом и Иоанном Ван-Эйк, из которых один был изобретателем красок на масле <...> Ни в одной живописи нельзя найти такой свежести красок, какая здесь: эта картина кажется как бы была написана несколько дней тому назад. Надобно взглянуть на мелочную отделку риз Спасителя, на яркие изображения бриллиантов, сапфиров и изумрудов, на перелив хрустала державы, на живой расцвет стольких различных украшений, и необходимо будет признаться, что подобного этому вряд ли что есть⁵².

Далее Алексей Мещерский излагает историю написания этого шедевра, а также его дальнейшую судьбу. «4 картины, составляющие одну, написаны в Генте, по заказу частного человека, который хотел принести их в дар церкви св. Бавона. Слава знаменитого произведения скоро распространилась в Европе, и тогда Гент сделался целью художественных путешествий <...> Картина покрывалась ставнями, на которых та же кисть и с тем же совершенством изобразила различные предметы: их всех было 8»⁵³.

У Гентского алтаря драматическая биография. В 1781 г. были сняты две крайние створки с изображениями Адама и Евы. Это было сделано по приказу императора Иосифа II, которого смутила обнаженность фигур. Створки были заменены копиями художника XVI в. Михиля Кокси, одевшего прародителей в кожаные передники.

Французская революция 1789 г. нарушила спокойствие мирного Гента. В ноябре 1792 г. французские оккупационные власти приказали отправить в Париж многие произведения церковного искусства, хранившиеся в гентских храмах и монастырях. В Лувр были увезены не только картины Рубенса, Ван Дейка и др., но и части знаменитого Гентского алтаря.

В 1818 г. из всех захваченных французами художественных сокровищ Гента вернулось только 60 картин. Часть Гентского алтаря, увезенная во Францию во время наполеоновского захвата Бельгии, потом была возвращена, хранилась в Брюссельском музее, а затем вернулась в храм св. Бавона. «В Генте, в соборной церкви св. Бавона, находится сокровище, драгоценное древностью и удивительным искусством, пред которым Альберт Дюрер преклонил колена, — пишет И. Симонов, посетивший Гент в 1842 г. — Это сокровище есть главная часть картины братьев Ван Эйк, изображающая Агнца, к которому пришли на поклонение все святые Ветхого и Нового Завета. В целой картине было 330 лиц, но во время революции многие части ее перешли в другие руки»⁵⁴.

А теперь снова обратимся к строкам Алексея Мещерского, посвященным Гентскому алтарю. «Во время Французской революции сокровище Гента пропало, но после нашлось и, как передают, чудесным образом сохранилось, — пишет русский князь. — При картине найдены были две ставни, но шести остальных не могли отыскать; впоследствии оказалось, что они, переходя из одних рук в другие, достались прусскому королю, который их приобрел за 400000 франков; но, чтобы иметь все вполне, король принужден был купить у Дансарт-Энгельса из известной копии, писанной Коксием для испанского короля Филиппа II, главную картину и две ставни, которых у него не доставало. Теперь у него в полном собрании, при шести оригиналах, три копии»⁵⁵. (Вторая пара створок Гентского алтаря с изображением ангелов и обе пары створок нижнего ряда были проданы в 1816 г. торговцу картинами и в 1821 г. попали в Берлинский музей. Их место также заняли копии Кокси.)

Неземной красотой Гентского алтаря восхищался и Н.И. Греч. «Все приделы наполнены картинами, отчасти драгоценными, — пишет российский литератор. — Первое место занимают четыре картины братьев ван-Эйк (1432), написанные на золотом грунте. Знайки удивляются яркости и блеску красок, которыми выражены золото, кристалл, бриллианты и другие драгоценные камни, свет глаз и свежесть лиц»⁵⁶.

После разгрома Германии в Первой мировой войне и вследствие Версальского договора створки были возвращены из Берлина, и алтарь был полностью восстановлен в своем первоначальном виде. В 1934 г. произошло чудовищное событие — была украдена створка «Праведные судьи», которая так и не была найдена. До сих пор ее место занимает копия. Во время Второй мировой войны алтарь был вывезен немецкими оккупационными властями и впоследствии обнаружен в соляных коях в Австрии.

Последняя крупная реставрация алтаря была проведена в начале 1960-х гг. под руководством крупного бельгийского реставратора П. Корремана. Живопись была освобождена от потемневшего старого лака и многих записей⁵⁷.

Сегодня, как и в старину, в Гентский собор устремляются путешественники из разных стран, в том числе и из России. «Сам город многолик, чтобы быть просто памятником, — пишет о Генте один из них. — В нем Алтарь — чудо, созданное ван-Эйками. И мысли человека, единожды побывавшего в Генте, неминуемо возвращаются туда, как пилигримы на освещенную ван-эйковским солнцем поляну»⁵⁸.

СОБОРНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ;
ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Символом Гента является Беффруа — набатная башня (фламандск. *Belfort*), которая возвышается напротив кафедрального собора. «Бельфортская башня, в пятьсот ступеней вышины, а на ней колокол в 11 тысяч фунтов весу»⁵⁹, — сообщалось об этой башне в русской печати. «Эта квадратная башня построена в 1300–1339 гг.; музыкальные часы в 44 колокола отлиты в 1661 г.»⁶⁰, — дополняет сведения о гентской колокольне один из русских авторов.

Это ее колокол, знаменитый «Роланд», сотрясал великолепным звоном стены домов и сердца горожан. Отлитый в 1314 г., он предупреждал жителей Гента о стихийных бедствиях, и надпись на нем гласила: «Слышен громкий удар — значит вспыхнул пожар. Я в набат начинаю бить — во Фландрии буре быть». Он был самым звучным из 52-х колоколов, что составляют карильон гентской беффруа, и самым тяжелым — целых 6 тонн⁶¹.

Дальнейшая судьба «Роланда» была связана с бурными событиями, потрясшими Гент в 1539 г. Вот что рассказывает об этом Н.И. Греч.

В 1539 году граждане Гента, находившегося под управлением сестры императора, отказались выплатить чрезвычайную военную подать, и среди города возникло возмущение так называемых крессеров (крикунов), составившихся из самых низких ремесленников. Они казнили городского главу Лиевина Пина и хотели было поддаться Франции. Появление грозного императора с войском образумило их. Карл повелел судить преступников и, выслушав защиту, объявил их виновными в оскорблении величества, приговорил заплатить денежную пеню и явиться пред ним с повинною головою. Старшины города, в черном одеянии, босиком, с непокрытою головою, тридцать граждан, начальники ткачей с пятидесятью мастерами сего ремесла, шесть членов других сословий, наконец, пятьдесят крессеров, главнейшие виновники бунта, в одних рубахах, с веревкой на шее, явились пред императором и наместницей его, и на коленях просили прощения. Карл отнял у города все его привилегии, доходы, имущества, пушки и другое оружие, даже знаменитый вечевой колокол, именованный Роландом, и созывавший мятежников к восстанию. Укрепления города были разрушены, жители обязаны (были) выплатить большие суммы и содержать в исправности цитадель, которую велено было построить для удер-

*жания буйного города в покорности. Четырнадцать крессеров были казнены. Сими средствами Карл V утвердил власть свою в Нидерландах*⁶².

Итак, «опальный Роланд» был низвергнут с колокольни, но на своем месте остался медный дракон, длиной 3,5 м, установленный на Беффруа в 1380 г. Об истории этой диковины рассказывает Н.И. Греч: «На вершине башни был медный вызолоченный дракон, трофеей победы, одержанной Гентом над гражданами Брюжа (Брюгге. — *Авт.*), которые получили его в дар от графа Балдуина Фландрского. Граф, как говорит предание, привез его из Палестины, где он возвышался над мечетью. В большие праздники зажигают на башне смоляные бочки и из пасти драконовой пускают ракеты»⁶³.

О медном драконе упоминает и князь Алексей Мещерский. В своих заметках под 1839 г. он пишет про Беффруа: «Башня по древности, как и по архитектуре, очень замечательна. Проходя мимо, я искал глазами медного дракона, который, как говорят, был снят с цареградской мечети и привезен в Брюгге, а оттуда попал в Гент; но его не было: он находился на то время в руках мастера, для некоторых поправок»⁶⁴.

Впрочем, не все удалось осмотреть на Беффруа и другим русским путешественникам. В начале XX столетия старинная сторожевая башня, высотой в 91 м, подверглась серьезной реставрации. Александр Блок, побывавший в Генте летом 1911 г., не смог увидеть ее во всей красе. «Сегодня очень жарко. Сейчас уезжаю в Брюгге. Beffroi в лесах»⁶⁵, — сообщил поэт жене в письме из Гента 25 августа (7 сентября н. ст.) 1911 г.

Гент издавна славился колокольными звонами. Именно здесь появились первые часы с механическим колокольным боем. Они были установлены на городской башне, как только она была достроена; затем здесь появились «жакмарты» — бронзовые карлики, которые отбивали часовой звон молоточками. Потом, продолжая увеличивать число колоколов, гентские мастера открыли возможность подобрать из них целую гамму и исполнять сложные мелодии. «Первые колокольные клавикорды устроил в 1543 году один гентский органист, — сообщалось в русской печати, — это показалось для того времени таким замечательным событием, что о нем даже упомянуто в современных мемуарах. Получив способность разыгрывать праздничные арии, колокольный звон естественно приспособлен был затем и для гражданских мотивов и стал принимать близкое участие в жизни города»⁶⁶.

...Давно молчит, стоя на пьедестале, низвергнутый Карлом V колокол «Роланд». Неподалеку от него — памятник императору Карлу V и памятник освободителю города — Артевельде. Время примирило бронзовые фигуры.

ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛАЯ (СИНТ-НИКЛАСКЕРК)

Церковь св. Николая (Синт-Никласкерк) — одна из самых старых храмов Гента; она стоит на площади Хлебного Рынка. Возведение церкви св. Николая восходит к началу XIII в.; трансепт и хор — около 1230–1250 гг., а своды завершены лишь в 1658 г. В своих записках Н.И. Греч рассказывает историю, связанную с храмом Синт-Никласкерк.

Мне показывали в ней на одном столпе надпись, что подле церкви погребен Оливер Менжан (Minjan), жена его и тридцать одно дитя их, — пишет российский литератор. — При въезде Карла V в Гент Менжан встретил его в сопровождении двадцати одного сына и обратил на себя его внимание. Император осведомился о состоянии этого семейства, и удостоверившись, что Менжан, простой ремесленник, дал детям своим хорошее воспитание, пожаловал ему пенсион. Вскоре потом Менжан поражен был смертью всех детей своих: они умерли от потовой заразы (suette), занесенной из Англии. Несчастные родители вскоре последовали за детьми своими⁶⁷.

Как и другие храмы Гента, церковь св. Николая стала жертвой наполеоновской оккупации: «она пострадала во время революции, и в ней нет классических произведений»⁶⁸, — пишет Н.И. Греч.

ЦЕРКОВЬ СВ. МИХАИЛА (СИНТ-МИХИЛСКЕРК)

Этот готический храм возводился с 1440 г. по XVII в. Алексей Мещерский рассказывает о судьбе церкви св. Михаила: «Она была начата в половине XV столетия; ее башня, которую хотели поднять на высоту 400 футов, осталась недостроенной»⁶⁹.

Беды, связанные с наполеоновским нашествием, претерпели многие храмы города; не избежала этой участи и церковь св. Михаила. «Здесь Французская революция оставила памятник ужаснейшего поругания святыне: в 1792 году храм св. Михаила был торжественно переименован Храмом Разума, и на престоле поставили статую вольности, перед которой совершались бракосочетания. В 1802 году водворилось богослужение, но совершенно ограбленная церковь

являла вид самого жалкого опустошения, — сообщает русский князь. — Теперь престол отделан в простоте новейшего вкуса и, как мне показалось, очень расчетливо. Распятие, кисти Ван-Дика (Ван Дейка. — *Авт.*), почитается лучшею картиною в храме; умирающий Спаситель на кресте изображен превосходно»⁷⁰.

Ограбленная французскими якобинцами, церковь св. Михаила «лишилась многих художественных драгоценностей. Они заменены были впоследствии картинами новых артистов (художников. — *Авт.*)»⁷¹, — добавляет Н.И. Греч.

БЕГИНАЖ СВ. ЕЛИЗАВЕТЫ (СИНТ-ЭЛИЗАБЕТ)

В старинном Генте до сих пор сохраняются здания двух Бегинажей: Малый (Онзе-ливе-Врау; основан около 1234 г., перестроен около 1600 г.) и Большой (Синт-Элизабет), с его романскими, готическими и ренессансными постройками и церковью, возведенной в 1637 г.

Бегинки (познелатинск. *beguinae*), члены женских полумонашеских общин, объединялись для ведения совместной благочестивой жизни и не принадлежали ни к одному ордену. Первые упоминания о бегинках как «святых женщинах» (лат. *mulieres sanctae, mulieres religiosae*) встречаются в конце XII в. в документах г. Люттиха (соврем. Льеж, Бельгия)⁷².

Вот что пишет об этих общинах Н.И. Греч: «Орден бегиннок основан, как говорят одни, в VII веке, святой Беггой, матерью Пепина Геристальского. Другие приписывают учреждение его Ламберту Косноязычному (le Begue) в 1180 г. Достоверно то, что они появились в XII веке в Люттихе, распространились потом в Нидерландах и в западной Германии, в Швейцарии и во Франции. В половине XIII века было их в Кельне и в окрестностях до двух тысяч, в Нивелле столько же, близ Камбре тысяча триста»⁷³.

Термин «бегинки» появляется в источниках около 30-х гг. XIII в. Традиционно он связывается с именем священника Ламберта де Бега (сконч. ок. 1180 г.), якобы основавшего первую общину бегиннок, хотя, возможно, он происходит от какого-то уничижительного слова, например, средненижненемецкого *beggam* — «нищенствовать» или древнесаксонского *beg* — «просить милостыню». Возможно, что бегинки стали называться так из-за одежды, сшитой из грубой, неочищенной шерстяной ткани серо-коричневого цвета (отсюда франц. *beige* — «беж»).

С XV в. покровительницей бегинок стала считаться св. Бегга, с именем которой в XVII в. связывалось название «бегинки». К середине XIII в. движение бегинок получает распространение в Южных Нидерландах, прирейнских районах Германии и во Франции, где сообщества благочестивых женщин назывались «*Filles compagnes du bon secours*»⁷⁴.

«Причины умножения их числа должно искать в крестовых походах, — пишет Н.И. Греч. — Многие отцы семейства погибли, много было вдов и сирот; девицы не находили женихов и имели необходимость в защите от буйства развращенных рыцарей. Для вступления в женский монастырь требовались большие вклады. Бегинажи были приютами для благочестивых жен и дев, соединявшихся для совместного жития в целомудрии, тишине и молитве. Они не давали вечного обета, могли оставлять обитель по своей воле и выходить замуж. Зависели они не от духовных, а от светских властей, потому что не были утверждены папой и не принадлежали ни к какому монашескому ордену. И одежда у них была неодинаковая: они носили платье серое, черное, коричневое, иногда и голубое, с белым покрывалом. Занимались они воспитанием бедных девиц, призрением сирот, ходили за больными и отличались благочестием, трудолюбием и строгостью нравов»⁷⁵.

Бегинки объединялись под управлением избранной ими настоятельницы для ведения благочестивой жизни и благотворительной деятельности. Многие сообщества бегинок имели тесные отношения с нищенствующими францисканским и доминиканским монашескими орденами. Однако с 1244 г. поступление в союз бегинок в некоторых землях было запрещено женщинам моложе 40 лет из-за обвинений в испорченности нравов. В 1287 г. бегинкам было отказано в праве заниматься торговлей. В 1307 г. по обвинению в ереси состоялись казни бегинок в Тулузе⁷⁶. «Всеу в свете бывает предел, — пишет Н.И. Греч. — С течением времени важность их уставов и строгость повиновения ослабели; легкомыслие и пороки водворились в скромных и чистых дотоле приютах. В XIV в. бегинки исчезли в Германии и Франции и уцелели только в Нидерландах, потому что здешние обители строже наблюдали правила своего общества»⁷⁷.

В дальнейшем отношении Римско-Католической Церкви к бегинкам не раз менялось, пока с XV в. не стало терпимым. Отдельные общины бегинок сохранились до настоящего времени в Амстердаме, Брюгге, Генте и некоторых других городах Бельгии⁷⁸.

В 1705 г. русский посол А.А. Матвеев посетил гентский Беги-наж св. Елизаветы, где присутствовал на общей молитве. Об этом сообщается в записках русского автора, который отметил, что посол «был в кляшторе монахинь закона святых Елисаветы, которых в той кинони с 900 обретается особ. Носят покрывала белья, ходят в черном платье, где во время вечерни с органами оне пели партес, какой сладости голосов их описать невозможно. Правило имеют не-тяжкое и могут выходить без удержания свободно замуж, если не похотят в том законе больши быть»⁷⁹.

Пение бегинок настолько понравилось А.А. Матвееву, что он не преминул отметить это даже в официальной дипломатической переписке. Из Гента А.А. Матвеев впервые за время пути отправил 16 сентября (ст. ст.) письмо в Москву Ф.А. Головину, которое было получено 9 октября. В нем он писал о Генте: «Сей город бывал резиденцией прежде цесарей, которые обще державу правили гишпанскую. Величеством мало меньше Амстердама, токмо жильем пустее, кляшторов с 70 имеет разных регул законников, а больши монахинь, которых в одном кляшторе регулы святые Елисаветы с 1000 особ видел я и пение слышал голосов неописанных»⁸⁰.

В 1843 г. в Бегинаже св. Елизаветы побывал другой российский паломник — Н.И. Греч. «Бегинажи есть во многих больших городах Бельгии, но гентский Бегинаж св. Елисаветы считается одним из самых важных, — пишет отечественный автор. — Я рассматривал его с любопытством и вниманием. Посреди просторного двора, обведенного высокой каменной стеной и окруженного рвом, возвышается небольшая церковь, содержимая в примерной опрятности. Вокруг нее построено множество домиков с небольшими отдельными дворами, в которых обитают отшельницы. Я входил в один такой дом»⁸¹. Вот его рассказ.

Учтивая бегинка немолодых лет показывала мне все его части, толковала и образ жизни сестер, их занятия, и проч. В эти обители поступают вдовы и девицы, желающие провести остаток жизни своей в удалении от светского шума и суеты земной. Они живут небольшими обществами, в отдельных домиках. Пищу стряпают себе сами, в общей кухне, но каждая сама для себя. Обедают в общей столовой, каждая за своим столиком и перед своим шкапом, в котором прячет свое кушанье. Говорят, что это заведено для избежания ссор и раздоров между ними.

Все они занимаются каким-нибудь рукоделием, преимущественно плетением кружев, и обучают маленьких девочек. Ходят

они в черной одежде с белым покрывалом. Числом их до семи сот. Они могут оставить бегинаж, когда пожелают, но это случается очень редко: в пятнадцать лет вышли из обители только шестеро. Заведение это достойно всего внимания и уважения.

Иосиф II, упразднивший многие монастыри в своих владениях, сохранил заведение бегиннок, а король Нидерландский Вильгельм I в 1836 году утвердил их существование законом. Но смешение духовного со светским, отсутствие священного обета, которым человек навек обрекает себя на служение Богу и жизнь богоугодную, охлаждает посетителя бегинажей⁸².

Общины бегиннок существуют в Генте и донныне, как и в близлежащем Брюгге. Поэтесса русского зарубежья Мария Вега, посетившая Фландрию в 1929 г., вопрошала с ностальгией:

Может быть в монастырской келье,
Где лампы всю ночь горят,
Суждено мне молитвы зелье
И бегинки скромный наряд.

Или там, в России далекой,
Где в полях сверкает покос,
Буду девушкой синеокой
С пышной лентой в золоте кос?⁸³

МОНАСТЫРЬ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

В записках русских паломников, посещавших Гент, большое внимание уделяется храмам и другим старинным постройкам, находящимся в центре города. В отличие от своих собратьев по перу, Н.И. Греч не довольствовался беглым осмотром гентских достопамятностей и, наряду с посещением Бегинажа, нанес визит в Монастырь Сестер Милосердия, где его «ожидало высокое душевное наслаждение»⁸⁴. Слово отечественному литератору.

Монастырь Милосердых Сестер Иисуса и Марии находится в части города, отдаленной от центра и от светского шума, в старинном здании угрюмой наружности. Лонлакей постучался. Привратница отворила двери и впустила нас в небольшую приемную комнату. Я отдал ей свою визитную карточку, и минуты через две вошла в комнату монахиня, лет тридцати пяти, довольно высокого роста, статная, миловидная, приветливая, и с самым чистым

французским языком (здесь преобладает фламандский) в самых учтивых выражениях изъявила удовольствие принять гостя из далекой России. Я изумился этим неземным явлением.

Платье на ней черное, фланелевое, белая фланелевая пелеринка, на голове снегобелый чепец. Но эти выразительные глаза, эти правильные черты лица, эта приятная улыбка, эта благородная поступь, этот очаровательный голос, в котором отзывалась кротость душевная, эта откровенность во всех действиях и речах — все это меня дивило и восхищало. Я пошел за нею и предлагал ей вопросы, на которые она отвечала умно и искренно.

Мы вошли в коридор, над дверями которого изображено слово: *Silence!* Монахиня предупредила меня, что в этом месте не позволено говорить, а тут-то мне, по обыкновенной падкости человека ко всему запрещенному, и хотелось предложить ей несколько вопросов. Из коридора вход в церковь. Вожатая моя пред алтарем преклонила колени с искренним благочестием, и прочитала тихую молитву. Мы пошли далее. Она рассказала мне, что сестры сей обители занимаются исключительно воспитанием глухонемых девочек и попечением о неизлечимо больных, которых в больнице монастыря до полутора ста.

В большой зале собраны были глухонемые. Под надзором нескольких монахинь они занимались чтением, письмом, рукоделием. Вызвали одну девочку лет десяти. Путеводительница моя продиктовала ей движениями пальцев, девочка написала на доске по-французски: этот господин приехал издалека, из России, и посетил наше заведение. Я взял мел и написал, что считаю за счастье узнать людей столь благочестивых и благодетельных.

— Понимаю, сказал я монахине, что Вы можете выразить движением пальцев, рук, головы, слова: **этот, господин, приехал**; но как выразили Вы имя собственное: Россия?

— Эти слова выражаются буквами, а не понятием, отвечала она: вот **R**, вот **и**, вот **s**, и так далее.

Достойно внимания, что точно таким же образом выражались имена собственные и в иероглифах египетских.

После этого экзамена посетил я кухню, пекарню, прачечную: все устроено в порядке и удобно, везде тишина и нидерландская опрятность. Все работы в доме, и самые трудные, и самые отвратительные, отправляются сестрами беспрекословно, безропотно, в сладостном чувстве исполнения священного своего долга. В кухне и в прачечной молодые, прекрасные собою послушницы мыли посу-

ду, полы, стирали белье. Сестра хотела повести меня в больницу неизлечимых, но я не имел духу последовать туда за нею.

Виденное мною преисполнило мою душу искренним умилением, которое не скрылось и от путеводительницы моей, и, сколько я мог заметить, было ей очень приятно. О жизни и занятиях своих говорила она с сердечным удовольствием. «Мы здесь совершенно счастливы, не знаем, что делается в свете, и находим отраду в благодетельности нашим ближним, в облегчении их страданий».

— И Вы не сожалеете о свете? — спросил я.

— Да что мы там оставили? Кашемиры и бриллианты: мы их носили и видели всю их ничтожность. Здесь живем мы в совершенном спокойствии духа, в надежде, в предвкушении тех благ, которые Спаситель завещал в ином свете.

И это было сказано без всякого лицемерия или хвастовства, с неизъяснимой, увлекательной истиной и скромностью.

Мы вышли в сени. Сестра поклонилась мне учтиво.

— Пожалуйста мне вашу руку! — сказал я.

— Не смею, — отвечала она.

— Так благословите меня!, — сказал я ей, преклонившись пред нею.

— Да благословит Вас Бог! — отвечала она с чувством, — вижу, что Его святая благодать на вас действует.

Я вышел из монастыря, погруженный в чувство умиления пред сими истинно христианскими добродетелями, и не раз оборачивался дорогой, чтобы взглянуть на почерневшие стены, в которых таятся такие сокровища.

Всякому, кто любит и чувствует добродетели христианские, советую, в случае посещения Бельгии, съездить в Гент и пойти в монастырь Сестер Милосердия. Не знаю, как зовут мою незабвенную путеводительницу: я не догадался спросить ее об имени. Сей монастырь, равно как и многие другие богоугодные заведения Бельгии, обязан существованием своим христианскому усердию каноника Триеста, который оставил здесь по себе благословенную память. Из монастыря пришел я прямо домой. Хорошо, повторяю, что я видел театр и прочие светские здания прежде этого: теперь я не был бы в состоянии взглянуть на них.

Читатели мои, может быть, найдут, что описанного мною недостаточно было для возбуждения такого сильного чувства умиления. Но могу ли я выразить все, что видел? Я описал только наружность действовавших на меня лиц и предметов, а той духовно-

сти, той святости, которая облекала и проникала их, ни мое перо, ни чье другое не опишет. Между мертвым изображением добрых дел буквами на бумаге, и между действительным их созерцанием есть такая же разность, как между молитвой напечатанной и той же молитвой, произнесенной устами верующего⁸⁵.

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Музей изящных искусств в Генте занимает видное место среди крупнейших художественных музеев Бельгии по богатству и разнообразию своих коллекций. Основание его собраний было заложено еще в конце XVIII в., когда в связи с секуляризацией церковных имуществ множество первоклассных произведений искусства стало собственностью городских властей. Особенно богатыми оказались имущественные владения ордена иезуитов, запрещенного указом 1773 г. При этом по распоряжению австрийских властей было приобретено немалое количество живописных и скульптурных произведений, которые были затем отправлены в Вену. В 1783 г. Иосиф II отдал распоряжение (Бельгия тогда входила во владения Габсбургского дома) о закрытии в Генте еще тринадцати религиозных общин и изъятии у них принадлежащих им ценностей. Произведения искусства из их состава были проданы на аукционах⁸⁶.

В 1789 г. во Франции начались революционные события, которые затронули и соседнюю Фландрию. Многочисленные храмы подверглись разрушению, а монастыри — упразднению. Об этом постоянно напоминают отрывки из записей русских путешественников, бывавших в Генте в начале XIX в. Об этом в 1828 г. писал Р. Ниберг, врач по профессии. По его словам, «военный госпиталь в Генте занимает прежде бывший монастырь; в нем помещаются 150 больных»⁸⁷.

«В 1826 г. учрежден в Генте Университет, занимающий здание бывшего монастыря, — продолжает Р. Ниберг. — В сем университете обучаются 600 студентов»; «главная зала весьма обширна, она занимает прежнюю церковь монастыря»⁸⁸.

Сведения о Гентском университете дополняет другой автор из России — И. Симонов, побывавший в Бельгии в 1842 г. Он пишет об университетской библиотеке Гента, также размещенной в бывшем церковном здании: «Публичная библиотека очень бедна числом книг, но заключает в себе очень драгоценные рукописи, взятые из уничтоженных аббатств. Между прочим показывают там Библию,

написанную в XIII столетии, необыкновенно отличным письмом, на пергаменте столь тонком, что вся Библия заключается в одной книге в 12-ю долю листа. Библиотека помещается в церкви древнего бенедиктинского аббатства»⁸⁹.

(И. Симонов сообщает аналогичные сведения о событиях 1789 г., происходивших в Льежском епископстве: «Литтихский университет составляет лучшее украшение города. Он основан 25 сентября 1816 г. и занимает здание, построенное на развалинах иезуитской церкви. Библиотека состоит из 75 тысяч книг и из шестисот рукописей, взятых из уничтоженных аббатств провинции».⁹⁰)

С гонениями на Церковь были связаны пополнения художественных собраний Гента, когда в связи с секуляризацией церковных имуществ множество произведений религиозной живописи стало собственностью городских властей. Войдя в Гент 12 ноября 1792 г., французские оккупационные власти распорядились об отправке в Париж многих сокровищ.

Оставшиеся двести пятьдесят произведений были собраны в церкви св. Петра, которая как музей была открыта для публики 22 ноября 1802 г. Но уже в 1805 г. коллекции перевели в Академию изящных искусств, основанную в бывшем монастыре августинцев. Вот как излагает эти события И. Симонов: «Художник Мариссаль в 1751 г. был основателем в Генте Школы рисования, живописи, скульптуры и архитектуры. Через 20 лет это училище получило от Марии Терезии название Королевской Академии. Уничтоженные аббатства ее обогатили: Академии были отданы дом, назначенный для августинской коллегии, и 150 картин, которые составили галерею Академии»⁹¹.

В бывшей обители августинцев бесценные полотна оставались в течение ста лет. И лишь в 1896 г. бургомистр Гента барон Браун обещал городу строительство нового здания музея. Разработка его плана была поручена архитектору города Шарлю ван Рейселберге. Открытие здания музея состоялось в 1902 г. с участием принца Альберта и принцессы Елизаветы по случаю их торжественного въезда в Гент. Полностью оборудованный музей был открыт 9 мая 1904 г. королем Леопольдом II.

Во время Первой мировой войны музей испытал много трудностей. Гент был занят немецкими войсками. Музей закрылся, так как в нем расположилась немецкая часть, и был открыт для посетителей только в мае 1921 г. После начала Второй мировой войны часть коллекций была эвакуирована в По, другие спрятаны в крипте собо-

ра св. Бавона, в ратуше и в библиотеке университета. Часть произведений бесследно исчезла. Здание музея снова было занято немецкими войсками. Понадобилось около десяти послевоенных лет, чтобы восстановить его в прежнем виде⁹².

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ГЕНТА

После 1917 г. в Бельгии нашли приют беженцы из советской России. Едва ли не единственным русскими островками Православия в этой стране были храм св. Николая (Брюссель, Московский Патриархат), церковь Иова Многострадального и церковь Воскресения Христова (Брюссель, Русская Православная Церковь за границей). Именно вокруг этих приходов формировалась эмигрантская община. Молодое поколение, сменившее «старую гвардию», сумело найти свое место в жизни, не порывая связи с русскими традициями.

Примечательна судьба Наталии Георгиевны Рейнгардт — внучки генерала Романовского, начальника штаба армии генерала Деникина. Она родилась в Бельгии, работала переводчиком при бельгийском посольстве в Москве, личным секретарем супруги короля Леопольда III, старшей церковной сестрой при соборе св. Николая в Брюсселе... В 1985 г. вышла на пенсию и стала преподавать... фехтование.

Однако старшее поколение так и не смогло избавиться от ностальгии, и мысли о родине неотступно преследовали «Русь уходящую». Вот строки из стихотворения «О России», написанного Зинаидой Шаховской:

Как сказать твое простое имя,
На фламандской, радостной земле,
Солнце падает лучами золотыми
Может быть и ты одета ими,
Может быть и ты цветешь в тепле.

О тебе кричать... Тебя забыть...
Это все, что нам теперь осталось.
И еще, — осталась в сердце жалость,
Нам велящая тебя любить⁹³.

В 1930 г. в Генте открылся первый православный приход, входивший в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Это был

приход для русских студентов, и служил там простым священником будущий архиепископ Парижский Георгий (Тарасов). Просуществовал этот приход до 1953 г., до отъезда Георгия Тарасова в Париж⁹⁴.

В 1969 г. Константинопольским Патриархатом была учреждена в Бельгии митрополия, насчитывающая 20 приходов: 6 — в Брюсселе, по одному — в городах Антверпен, Шарлеруа, Монс, Льеж, Намюр, Гент и др. Об истории нынешнего православного прихода святого апостола Андрея в Генте рассказывает его настоятель — протоиерей Игнатий Пекстад.

Приход в Генте был основан после Второй мировой войны, когда в Бельгию на работу в угольных шахтах приехало около 20 тысяч рабочих из Греции. Тогда Константинопольский патриарх послал в Бельгию трех священников, одним из которых был нынешний митрополит Пантелеимон. Не было храма, где он мог бы служить, не было жилья; три месяца он должен был спать на полу. И вот однажды один католический священник, итальянец, сказал ему: «Вы можете разделить со мной мою комнату. Вы православный священник, я — католический; мы — братья, и я хочу Вам помочь».

С того дня все пошло успешно. То, что сегодня, возможно, трудно понять в России, так это то, что на Западе Католическая Церковь очень помогает Православной. Православная община в Генте получила от католического епископа Брюгге 150 тысяч франков на строительство нового храма, а один из католических монастырей предоставил общине 100 тысяч франков. Они знают, что мы православные. У нас прекрасные отношения, мы уважаем друг друга.

В моем приходе около 600 верующих. Наша община — региональная, объединяющая не только верующих Гента, но и других, живущих от города в 20–50 километрах. В нашей общине более 40 русских, более 30 сербов, около 50 греков. Есть и приехавшие с ближнего Востока, из Ливана. Есть киприоты, есть около 40 эмигрантов из Болгарии. Остальные — бельгийцы.

Мы стараемся сохранить прекрасные славянские песнопения, напевы — и в этом мы следуем русской литургической традиции, — но, на нашем родном фламандском языке. Богослужбные тексты были переведены на фламандский язык в монастыре святого Иоанна Предтечи в Гааге, в Голландии. Наш фламандский язык, хотя мы и говорим: мы фламандцы, мы фламандский народ, — это тот же язык, что и в Голландии, только несколько отличается от голландского по произношению. Наше письмо, наша лексика — те же,

что и у голландцев. Основные богослужебные книги были переведены на фламандский язык после Второй мировой войны настоятелем гаагского монастыря архимандритом Адрианом, посвятившим этому делу всю свою жизнь. Интересно, что в Бельгии переводы литургических текстов появились раньше, чем во Франции. Так что для наших прихожан, в том числе и для эмигрантов из других стран, для которых фламандский язык стал просто вторым родным, во все нет никаких языковых проблем⁹⁵.

Отец Игнатий Пекстад неоднократно бывал в бенедектинском монастыре Шеветонь (Бельгия), и с его настоятелем аббатом Мишелем ван Парийсом, уроженцем Гента, у него большая дружба — они друзья с детства. Монахи Шеветони налаживают добрые контакты между Римско-Католической и Православной Церквями. Протоиерей Игнатий служит в городе, где рядом находятся четыре храма разных конфессий: католический, реформатский, англиканский и православный. И это побуждает духовенство Гента к сотрудничеству на местном уровне.

Один раз в месяц мы, священники разных исповеданий, собираемся вместе, чтобы обсудить различные проблемы, — продолжает о. Игнатий свой рассказ. — Мы — друзья, наше общение абсолютно открытое, между нами нет никакого напряжения. И так уже многие годы. Сейчас мы строим новый храм, поскольку старый уже не может вместить всех прихожан. Поэтому время от времени наш приход собирается для молитвы в протестантском храме, а затем православные вместе с другими христианами общаются друг с другом за совместной трапезой. Есть и традиция: за два месяца до Рождества Христова хоры всех храмов собираются в самом большом, католическом, и исполняют рождественские песнопения. Я сам — член смешанной экуменической комиссии в Бельгии, куда на равных правах — несмотря на то, что католиков в стране большинство — входят представители всех четырех конфессий. Мы много и плодотворно работаем⁹⁶.

В настоящее время у Московского Патриархата в Бельгии также имеется несколько православных приходов: Свято-Никольский собор, церковь прав. Анны, часовня апостола Иоанна Богослова (Брюссель), храм российских святых в Левенском (Лувенском) католическом университете и Свято-Троицкий храм в Шарлеруа. Прихожанами православных церквей являются в основном эмигранты из России, Украины и Греции, а также небольшое число коренных бельгийцев.

В 1976 г. в городке Первейзе (в 50 км к западу от Гента и в 4 км от побережья Северного моря) был основан православный монастырь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Эта обитель была образована по благословению архиепископа Гаагского и Нидерландского Иакова с разрешения правящего архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Московский Патриархат).

Постепенно братия пополнялась насельниками. В 1980 г. во иеромонаха был рукоположен отец Иоанн, в 1983 г. был рукоположен во иеродиакона отец Елевферий, в 1990 г. — брат Моисей, в 1993 г. — брат Силуан... В 1988 г. игумен Фома получил благословение от епископа Симона на строительство новой церкви. Возведение и благоустройство нового храма были проведены под особым покровительством Божией Матери и св. Мартина Турского.

В храме хранятся частицы мощей св. Иоанна Крестителя, св. Иоанна Златоустого, св. Иакова брата Господня, 40 мучеников Севастийских, св. Пиата, св. Урсулы. Кроме молитвенного правила, монахи занимаются огородом, кустарным производством козьего сыра. Но их главная работа — переводы и издания на фламандском языке. Приход проводит катехизацию для новообращенных в Православие. При монастыре основано «братство для мирян» и «апостольская диакония», которые поставили себе задачу перевести труды избранных отцов Церкви и распространять их среди фламандского населения.

По словам правящего архиепископа Симона (Ишунина), монастырская братия разумно соединяет в себе «духовность Марии» и «материальное попечительство Марфы». Монахи являются проводниками света Христова, который просвещает всякого обращающегося к нему человека, исполняя прежде всего первую и главную заповедь любви к Богу и ближнему.

АНТВЕРПЕН

В Антверпене стоит фонтан-памятник легендарному герою Сальвио Брабо (в честь которого якобы названа страна по Шельде — Брабант). Предание говорит, что живший в устье Шельды великан Дрюон Антигон останавливал суда, идущие по реке, и брал большую дань со шкиперов. Кто не хотел платить, тому рубил кисть правой руки и кидал в Шельду. Поэтому и место его обитания назвали «бросать руку» (hand werpen) — по-фламандски «Ант-

верпен». Долго терпели его гнет, пока не явился молодой герой Брабо, не напал на великана и, убив, не отрубил ему правую кисть и не бросил ее туда же, куда падали руки жертв. Не память ли это о набегах викингов?

Российский литератор Николай Иванович Греч, побывавший в Антверпене в 1843 г., так отозвался об этой «страшилке»: «Это предание основывается на гербе города: замок и над ним — две руки. Гораздо вероятнее, что это слово значит на верфи (aen't werf)»⁹⁷.

Антверпен, старинный средневековый город, издавна снискал себе славу международного центра торговли и искусства. Город Рубенса и Ван Дейка, крупнейший порт на берегах Шельды, куда стекались корабли со всего света, издавна привлекал иностранцев, в том числе и наших земляков.

НАЧАЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Один из потомков старинного рода Мещерских — князь Алексей Мещерский — побывал в Бельгии в 1839–40-х гг. В своих записках он уделяет внимание начальной истории Антверпена: «Город, расположенный в 17 милях от моря на равнине правого берега Шельды, сделался известным в половине 7-го столетия, в то время как благовестие Св. Евангелия внесено было в эту страну»⁹⁸.

Практически все исторические памятники Антверпена сосредоточены близ Шельды, на ее правобережье, демонстрируя привязку к морским путям. На протяжении столетий Антверпен много раз переходил из рук в руки. «До 980 года Антверпен, принадлежавший французским королям, после уступки Лотаря перешел во владение императора Оттона II, — пишет Алексей Мещерский. — В 1076 году Годефруа Бульонский получил маркизство Антверпенское, по наследственному праву, и оставил его, когда вздумал отправиться в Палестину, где 14 лет после того умер королем Иерусалимским»⁹⁹.

Дальнейшая история Антверпена связана с именем св. Норберта (род. ок. 1085 г. — сконч. в 1134 г.). Он происходил из графского рода Геннеп; был священником при дворе императора Генриха V (1111–1125). С проповедью о покаянии Норберт объездил всю Францию и Нидерланды; побывал он и в Антверпене. «Предание, сохранившееся в одной старинной хронике, говорит, что в начале XII века некто Танквелин (Tanquelin), человек богатый и умный, но разврат-

ный и коварный, распространял в Антверпене и его области нечестие и пороки, соблазнял женщин, разорял неопытных, и составил себе вспомогательную дружину из трех тысяч человек, которые слепо ему повиновались, — пишет Н.И. Греч. — Власть светская и духовная тщетно старалась прекратить эти неустройства, и наконец решилась призвать из Франции знаменитого проповедника, епископа Норберта. Он прибыл с двенадцатью учениками и успел остановить разлив нечестия и разврата. Святой муж впоследствии основал нынешний собор»¹⁰⁰.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АНТВЕРПЕН

В Антверпене все дышит стариной; символом старой части набережной, носящей имя знаменитого фламандского художника Иорданса, служит замок (по-фламандски — Стен), воздвигнутый в X–XII вв. Некогда Стен был резиденцией Готфрида Бульонского, предводителя крестоносцев и первого государя Иерусалимского королевства. Позднее, при испанском владычестве, в замке размещалась инквизиция. Замок Стен весь точно из сказки, небольшой, с точеными башенками, мостиком через ров. Здесь была темница для пленников, резиденция Альбы и инквизиционный суд, которому было много работы в вольномыслящем купеческом городе. Сохранились пергаментные дела еретиков и тома, перечисляющие еретические толкования Писания...

В 1497 г. португальский мореплаватель Васко да Гама предпринял экспедицию в Индию. А уже в первом году нового, XVI в., в Антверпен пришел португальский корабль с пряностями, привезенными только что открытым путем вокруг Африки. На тысячелетнем торговом пути через Ближний Восток, который крепко в своих руках держали венецианцы, в какие-то десять лет были поставлены крест и жирная точка. Антверпен теперь снабжал восточным товаром всю Западную Европу. «Благоприятное положение города неподалеку от устья широкой реки, по которой могут ходить большие суда, доставило ему в Средние века значительность, силу и богатство, — пишет Н. И. Греч. — Число жителей его простиралось до двухсот тысяч. Многочисленные корабли стояли у его пристани. В царствование Карла V Антверпен был самым деятельным городом Европы. На ярмарки его стекались купцы со всех сторон. Промышленность процветала. Изделия фландрские и брабантские отправляемы были в Аравию, Персию и Индию. Корабли купцов

антверпенских покрывали океан; в Черном море оспаривали они первенство у генуэзцев»¹⁰¹.

Но фламандцы не были великими мореплавателями, и захват города испанцами, казни и инквизиция, отпугнувшие иноземных купцов, привели к тому, что звезда города закатилась... Тем не менее, в XVI в. Антверпен был крупнейшим центром Испанских Нидерландов; в 1559 г. он стал центром епархии. Во второй половине XVI в. в Антверпене уже бывали русские посланцы. В Никоновской летописи под 1567 (7075) г. упоминается об отправке русским царем «от своей казны своих гостей и купцов в поморские государства: в Антроп к бурмистром и к ратманам послал гостя Ивана Офонасьева, да купца Тимофея Смывалова»¹⁰².

К этому времени Антверпен не раз подвергался тяжелым испытаниям, о чем пишет русский путешественник И. Симонов, побывавший в Бельгии в 1842 г. «С 1556 г. начались несчастья Антверпена, — сообщает он. — Сначала иконоборцы (кальвинисты-реформаты. — *Авт.*) разорили и разграбили храмы, и в продолжении трех дней производили убийства. Потом, через 10 лет, испанцы взяли приступом город; 10 тысяч граждан были убиты; 800 домов выжжены, в том числе градский дом, который считался одним из лучших зданий в Европе. Еще через 9 лет герцог Пармский, в продолжении целого года, осаждал город, и Антверпен испытал все ужасы голода».¹⁰³

В 1567 г. в Нидерланды был послан в качестве наместника испанский полководец герцог Фернандо Альба (1508–1582). Здесь он пытался жестоко подавить восстание и казнил до 18 тысяч человек. Уже одним этим герцог «обеспечил» себе место в истории, но этого ему показалось мало. «Герцог Альба, в ознаменование победы при Геммингене, воздвиг было сам себе бронзовую статую на платформе антверпенской цитадели, — пишет Н.И. Греч. — Гордый испанец изобразил себя в военном мундире, с протянутой к городу рукой. Он попирает ногами дворянство и народ, побежденные им: они представлены были в виде двуглавого чудовища, с отличительными знаками убогих (*les gueux*), миской и котомкой. На пьедестале было начертано: *Ex aere captivo* (Из добытой у врага меди)»¹⁰⁴.

В 1573 г. Альба был отозван, и его преемник в управлении Нидерландами приказал снять статую. В 1576 г. последовало очередное восстание жителей страны против испанских «воинов-интернационалистов». А в следующем, 1577 г., статую герцога Альбы постигла печальная участь. «Народ, открыв ее где-то, надел ей на

шею веревку и таскал в грязи по улицам, — пишет Н.И. Греч. — В 1635 г. нашли обломки этой статуи, и вылили из них Распятие, находящееся поныне над главным входом соборной церкви»¹⁰⁵.

В 1576 г. испанцы сильно разрушили здание городской ратуши. И хотя его пришлось строить почти заново, фасад нынче совсем не изменился. На этой же площади имеются старинные дома, принадлежавшие членам различных гильдий. Один из них — Дом старых весов, где долгое время находилась гильдия св. Луки (цех живописцев).

Во времени визита Николая Ивановича Греча в Антверпен город переживал не самые лучшие времена и насчитывал всего 78 тысяч жителей¹⁰⁶. «Упадок города начался уже во время испанского владычества, — пишет отечественный литератор. — Инквизиция изгнала тысячи трудолюбивых шелковых ткачей: они переселились в Англию. В 1585–86 годах город выдержал четырнадцатимесячную осаду. По заключении Вестфальского мира (1648) закрыто было голландцами плавание по Шельде, и всемирная торговля Антверпена прекратилась»¹⁰⁷.

В Антверпене есть много достопамятностей, тесно связанных со средневековой историей Фландрии. Среди них — музей известного христианского просветителя Кристофа Плантэна (XVI в.), судьба которого неотделима от Антверпена. Испанский король Филипп II предоставил ему исключительное право печатать и издавать Библию и молитвенники для Фландрии и Испании. В печатне Плантэна была издана знаменитая Библия-полиглотта, с греческим, древнееврейским и сирийским текстами. Зять Плантэна Моренторф (Моретус) наследовал его дело в 1589 г. и с успехом продолжил его. Для антверпенцев того времени печатня Плантэна-Моретуса стала «обителью мыслей и знаний». В музее Плантэна-Моретуса имеется уникальное собрание рукописей IX–XVI вв., а также книжное собрание, насчитывающее более 20 тысяч старинных книг, в том числе и первопечатных. Собрание музея включает также 68 тысяч гравюр, предназначенных для украшения печатных книг.

А в замке Стен, на который, быть может, наводил пушки Тиль Уленшпигель, теперь Морской музей с узорчатыми рулями, резными клотиками и корабельными статуями той ушедшей эпохи. Стоящий поблизости на приколе старинный парусник называется «Меркатор» — в честь знаменитого фламандского картографа, обеспечившего моряков той эпохи математически точными картами. Их размножали в доме печатника Плантэна Моретуса, там сейчас музей,

и среди экспонатов — книга английского капитана Дженкинсона о России Ивана Грозного: карты к ней также напечатаны здесь.

Памятником бывшего величия Антверпена являются старинные складские сооружения; об одном из них пишет Н.И. Греч: «Между двумя бассейнами лежит старинное здание, пакгауз Ганзы, с гербами трех ганзейских городов, и надписью: *Sacri Romani Imperii Domus Hansae Teutonicae (1564)*. Доныне живет в этом здании ганзейский консул. За внутренним бассейном возвышаются новые великолепные здания — пакгаузы, построенные нидерландским королем Вильгельмом I»¹⁰⁸.

АНТВЕРПЕН В ЭПОХУ ПЕТРА I

В XVII в., в связи с расцветом Амстердама, главного экономического центра республики Соединенных Провинций, торговое значение Антверпена несколько упало, но все же он сумел оправиться от перенесенных испытаний и по-прежнему оставался крупным центром духовной культуры. В начале XVIII в. в этом городе побывал русский дипломат А.А. Матвеев, который направлялся из Гааги в Париж в составе неофициальной миссии ко французскому двору: «Посол прибыл до знаменитого города брабанского до Антверпии»¹⁰⁹.

Вот первые впечатления русского посланника, прибывшего в Антверпен с кратким визитом: «Вышеобъявленной город самого старинного здания, жительством многолюдной, в нем дома каменные великия, однако ж не размерны и архитектуры самой плохой и ветхой, основательная городова крепость негораздо крепка. При том городе две фортификации зело крепкого и нового здания, в городе том девять ворот. Мимо сего города с одну сторону течет река, называемая Шел, по которой ходят великия суды и корабли, где торговля есть великая, и купечества тот город полон»¹¹⁰.

А.А. Матвеев направлялся через Бельгию во Францию по указанию Петра I, который стремился укрепить связи с этой европейской державой. К 1717 г. относится посещение русским царем ряда западноевропейских стран; побывал Петр I и в Антверпене. 30 марта 1717 г. «Петр отправился в Брабандию, — пишет А.С. Пушкин. — 31-го вошел в Шельду (Escaut) у Антверпена»¹¹¹.

11 апреля (н. ст.) 1717 г. русский царь прибыл сюда со своей свитой на трех шхунах: «Вышед на берег, государь поехал в монастырь св. Михаила, где приготовлены были ему покои; тут встретили его герцог Гольштейн-Плоэн, принц де ля Тур Таксис и принц

Эскилаш (Esquilache), а потом все чиновники города. Он осматривал главные церкви, биржу, Академию живописи и изящных художеств и иезуитский дом»¹¹², — повествует об этом визите один из членов царской свиты. «Здесь Петр посетил езуитские монастыри — и нанял в свою службу шаубенахта Падона»¹¹³, — добавляет Пушкин.

Царские шхуны встали к причалу на реке Шельде около Кро-ненбургских ворот, в 100 м от средневекового аббатства св. Михаила. Так уж повелось, что коронованные особы останавливались в этом монастыре, а при отъезде его щедро одаривали. Интерес к русскому царю и его посольству был живейший, приемов и переговоров последовало много. Но Петр I в Антверпене долго не задержался; он пригласил фламандцев на работу в Россию. Хотя его визит был кратким, память о нем сохранилась в народных легендах, в книгах. Рассказывают, что в Антверпене русского царя восхитили колокольные мелодии, исполнявшиеся на карийоне. Петр был очарован этим старинным музыкальным инструментом и заказал пять карийонов для российских церквей. Один из них был установлен на колокольные Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

АНТВЕРПЕН В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

С 1794 до 1814 гг. Антверпен находился под властью французов. Наполеоновская оккупация принесла много бед жителям Антверпена, но все же именно по распоряжению Бонапарта здесь была начата постройка гавани, и уже в 1805 г. французы спустили на воду «три корвета и один фрегат о 44-х пушках»¹¹⁴. «21-го июля 1803 года предписано было построить в Антверпене морской арсенал и верфи. 16-го августа 1804 года положено было им первое основание, — пишет Н.И. Греч. — В 1803 году Антверпен не имел ни одного собственного судна; в 1806 году 627 судов, бригов, шлюпов, и т.п., производили прибрежную торговлю с разными соседственными городами»¹¹⁵. Как заправский моряк Н.И. Греч повествует об истории местной верфи.

В 1806 году кончены были два огромные бассейна (дока), одетые камнем: в одном могли помещаться двенадцать линейных кораблей, в другом — сорок. Постройка их стоила 13000000 франков. Они лежат подле самой реки, и вода выпускается из них посредством шлюзов. В меньшем починивали и конопатили корабли. В большом предполагалось давать приют эскадре в то время, когда сильный лед идет по Шельде. Для обшивки судов медью назначались два малые бассейна. Для облегчения сообщений бассейнов

с верфями, лежащими на другой стороне города, скрыты были дома по берегу и построена прекрасная каменная набережная. До 1813 года спущено было на воду около тридцати военных кораблей (один 120-пушечный, два 80-пушечные, остальные 74-пушечные) и три фрегата. В 1814 г. строительные материалы и военно-морские снаряды Антверпена составляли капитал в 300 миллионов франков¹¹⁶.

В 1814 году губернатором Антверпена был Лазарь Карно (Carnot, 1753–1823), французский политический деятель, в прошлом — инженер-физик. Именно ему пришлось расплачиваться за наполеоновскую агрессию в Нидерландах. Как отмечал Н.И. Греч, «в 1814 году Карно выдержал осаду, и в следующем году Антверпен присоединен был к новоучрежденному королевству Нидерландскому»¹¹⁷.

А с 1830 г., после того как католические провинции «отложились» от протестантских Нидерландов, Антверпен является крупнейшим портовым городом Бельгии.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

Одна из главных достопримечательностей Антверпена — кафедральный собор Богоматери (по-фламандски — Онзе-ливе-Враукерк) (в записках А.А. Матвеева — «преблагословенные Марии Богородицы»). Пресвятая Дева издавна считалась покровительницей города; на месте собора некогда стояла небольшая часовня, где хранилась святыня Антверпена — статуя Богородицы.

Нынешний собор был заложен в 1352 г. мастером Жаном Амелем из Булони. Зодчий, отдавший постройке более 40 лет, умер, не увидев собор возведенным, и завещал свое дело сыну Петеру. История сохранила имена преемников Жана Амеля и его сына: Жак Так, мастер Эврар, Герман ван Вагемакер (Waghemaekere) и его сын Доминик (1395–1520 гг.). Строительство собора было в основном закончено только в начале XVI века, но и сегодня его южная 123-метровая башня не достроена. И тем не менее, она постоянно поражала воображение жителей города своей высотой и дивным звоном 40 колоколов. Вот что записал Альбрехт Дюрер, побывавший в Антверпене в те годы, когда завершалось строительство собора: «Церковь Богоматери в Анторфе (Антверпене. — Авт.) чрезвычайно велика, настолько, что там одновременно поют несколько служб, и они не сбивают друг друга. И там постоянно происходят торжественные

празднования. В церкви много священных изображений и каменной резьбы, и особенно красива ее башня»¹¹⁸.

Собор богато украшен живописью и скульптурой, в основном фламандских мастеров. Внутри этого огромного собора имеются 4 алтарные картины Петера Пауля Рубенса (1577–1640): «Бичевание Христа», «Воздвижение Креста», «Снятие с Креста» и «Вознесение Девы Марии». Наиболее впечатляющая из них — «Снятие с Креста» (1612 г.). Трудно найти более естественное обрамление «Снятию с Креста», чем прозрачный, рассеченный чередой стрельчатых арок полумрак собора. Это центральная часть триптиха; его боковые створки — «Посещение Марией Елизаветы» и «Принесение во храм» не уступают по мастерству центральному полотну.

В 1705 г. русский посол А.А. Матвеев посетил кафедральный собор с находившимся при нем монастырем, отметив при этом его достопримечательности: «В том же городе преблагословенная Марии Девы Богородицы великой кляштор, или монастырь, внутри весь различных мраморных итальянских архитектур с обеих сторон алтарями по премногу украшен. Наверху хоры с слупами и с балюсадами мраморными ж, которые из Италии, из города Геневи (изпод Генуи, с каррарских каменоломен. — *Авт.*), нарочно привезены туды. Письма живописныя в церквах и над алтарями, и на потолках самых преславных древняго веку живописцов, особливо ж хвальных веку того Робенса и Вандейка»¹¹⁹. (В настоящее время самые известные работы Ван Дейка (1599–1641) в Антверпене находятся в церквах св. Якова и св. Августина. Но можно предполагать, что А.А. Матвеев мог видеть его картины и в соборе Богоматери.)

В 1761 г. в России была издана книга ректора Ульмского университета (Германия) Рудольфа Рота под названием: «Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света» (СПб., 1761). В этой книге, переведенной с немецкого языка надворным советником Сергеем Волчковым еще в 1747 г., в алфавитном (латинском) порядке приводились сведения о крупнейших европейских городах. Потребность в такой книге в России ощущалась давно, поскольку россияне все чаще выезжали за пределы отечества.

Вот что мог прочесть русский читатель в этой книге об Антверпене: «Великой и изрядной город в Нидерландах у реки Шельды, на ровном и веселом месте, с пространною гаванью. Лутчее в городе здание — соборная Пресвятыя Богородицы церковь, 500 футов длины, 240 ширины, а высоты ея 340 шагов. У сей церкви 66 пределов;

мраморными столбами, и другими вещьми великолепно украшенная; а на башне колокольная музыка. Иезуитский монастырь, еще богаче собора. В нижней и верхней сего монастыря великой церкви, кроме мрамору, ясписа, золота, серебра, и кроме дорогой живописи, ничего не видно. Притом много приходских церквей»¹²⁰.

Книгой-справочником Рудольфа Рота пользовался один из потомков знаменитого рода Демидовых — основателей горной промышленности на Урале — Н.А. Демидов. Прибыв 7 сентября 1771 г. в Антверпен, Никита Акинфиевич записал свои впечатления о городе: «Лучшее и огромное здание соборная Пресвятая Богородицы церковь, в коей до 60 пределов мраморными столбами и другими вещьми великолепно украшенных, а более всего самую лучшую и пресовершенную рубенсовую работою тутошняго уроженца великаго и славного живописца, особливо “Снятие с Креста” столь живо изображено, что каждого в удивление привести может»¹²¹.

Русские путешественники, посещавшие Антверпен в следующем, XIX столетии, неизменно бывали в кафедральном соборе и восхищались его убранством. Н.И. Греч, побывавший здесь в 1843 г., упоминает о тех бедствиях, которые в прошлом довелось пережить кафедральному собору. «В конце XVI века внутренность его была опустошена неистовыми иконоборцами (реформатами. — *Авт.*), и впоследствии восстановлена с благородной простотой, приличной храму христианскому, — пишет Николай Иванович. — До Французской революции (1789 г.) по сторонам храма были тридцать два мраморные алтаря, наполненные редкими картинами и драгоценными украшениями; там было сто подсвечников литого серебра, четыре жертвенника из того же металла, золотая, осыпанная драгоценными камнями дарохранительница времен Франциска I. Все это разрушено и расхищено буйными республиканцами»¹²².

Тем не менее собор пережил все невзгоды и, по словам того же автора, «Антверпенский собор есть самый огромный и великолепный храм в Бельгии, богатой произведениями старинного зодчества. Церковь состоит из трех отделов (*nefs*), и потолок ее утверждён на ста двадцати пяти столпах. Перспектива среднего, широкого отдела восхитительна. Главнейшее сокровище сей церкви заключается в украшающих ее произведениях кисти Рубенса»¹²³.

Внимание русских путешественников было постоянно приковано к сокровищам церковной живописи Антверпена. «Надобно посещать антверпенские церкви, чтобы видеть бессмертные труды отцов фламандской школы. В соборе первое внимание возбуждает

картина Рубенса “Снятие с Креста”, — писал И. Симонов. — На другой стороне церкви, точно в таком же положении и виде, поставлена картина Рубенса “Поднятие на Крест Спасителя”, а в глубине собора стоит запрестольный образ Успения Пресвятой Богородицы, где Мать Господа, окруженная Силами Небесными, возносится к Сыну. Эти три картины творческой кисти Рубенса делают симметрию, которая поражает удивлением и незнаатока, если он имеет правильный взгляд на природу изображенных предметов и действий»¹²⁴.

В своих записках Н.И. Греч уделяет место описанию каждого из этих шедевров великого фламандского художника; он начинает свой рассказ с картины «Снятие с Креста»: «Первая из сих картин считается первостепенным произведением Рубенса и привлекает в Антверпен художников и любителей из всех стран Европы. Все они удивляются величию божественности предмета, изяществу и чистоте исполнения. Смею ли я ее описывать и исчислять красоты ее! Поезжайте в Антверпен, читатель мой, и насладитесь ими!»¹²⁵.

Далее отечественный литератор упоминает о двух других картинах прославленного мастера. «В противень этой картине находится, в другой стороне церкви, Рубенсово же «Воздвижение Креста», равномерно приводящее в восторг любителей искусства, — продолжает Н.И. Греч. — На запрестольном образе представлено им же “Успение Богородицы”, совершенно в ином характере против других картин Рубенса. Пресвятая Дева возносится на небо в сонме ангелов, на светозарном облаке»¹²⁶.

Не будучи профессиональным искусствоведом, Николай Иванович все же рискнул углубиться в художественный анализ этого произведения.

В этой картине нет того твердого, телесного колорита, которым отличаются все другие произведения Рубенса; здесь все нежно, светло, прозрачно, небесно, божественно. Рисунок, по суждению знатоков, есть верх совершенства: воздушная перспектива соблюдена во всей точности. Драпировка богатая и величественная. Говорят, что Рубенс написал «Успение» в шестнадцать дней, и получил за свой труд обыкновенную плату, по сту гульденов за день»¹²⁷.

Прежде чем перейти к описанию других украшений храмового интерьера, Н.И. Греч сообщает о судьбе рубенсовских шедевров в наполеоновскую эпоху: «Сии три картины увезены были французами, и возвращены в 1816 году. Во время осады Антверпена приняты были все средства к охранению их. Четвертая Рубенсова картина есть “Воскресение Господне”, над могилой друга его, Морета»¹²⁸.

Далее отечественный автор перечисляет увиденные им украшения собора — как живописные, так и скульптурные.

В соборе есть еще другие драгоценные произведения живописи, но они исчезают перед исчисленными мною. Есть изваяния Фербрюггена, и в том числе кафедра, изукрашенная резьбой на дереве: работа трудная, требующая искусства и терпения, но не величественная, бесхарактерная и безвкусовая; пороки представлены в виде разных птиц, в естественную их величину.

В нынешнее время готовится Антверпенскому собору оригинальное и гениальное украшение: это ряд седалищ вдоль стены, вырезаемых из дерева лувенским профессором де Гирстом (de Geerst). На них представлены события Священной Истории и фигуры святых и апостолов в малом виде, с необыкновенным искусством и изяществом. Эти изваяния не уступят превосходнейшим произведениям Средних веков в сем роде. Готова едва ли четвертая часть. Работа подвигается успешно¹²⁹.

Подводя итог сказанному, Н.И. Греч замечает: «Вообще Антверпенский собор и в наружности, и во внутренности своей заслуживает внимания любителя искусств: я проводил в нем часа по два в день с большим наслаждением»¹³⁰.

Шедеврами кафедрального собора восхищались многие россияне, бывавшие в Антверпене, а одного из них рубенсовское полотно вдохновило на стихотворение «Assumptio corporis» (1972 г.). Его автор, поэт русского зарубежья Владимир Вейдле, пояснял для читателей смысл этого названия: «Так, в богословии Западной Церкви, определяется второй момент Успения Божией Матери, не учитываемый у нас (православных. — Авт.) и отсутствующий в нашем церковном искусстве: принятие Ее Спасителем, или всей Троицей, на небеса. Рубенс написал главный, заалтарный, образ антверпенского кафедрального собора по заказу своего родного города. Это стихотворение писалось, с большими перерывами, несколько лет»¹³¹. Описывая этот шедевр кисти Рубенса, В. Вейдле как бы обращается к воображаемому собеседнику:

...Нет тебя. — Ну что ж; я хотел... Ничего. Пойдем.
Я тебе покажу. Тут же рядом, близехонько, в соборе.
Разве ты не знаешь? Он у вас учился.
Паоло. Питер-Паулус. Пьер-Паоло.
Ах, какой был мастер!..
Видишь? Апостолы у пустого гроба

И святые жены, в горестном смятеньи,
В скорби расставастья, в скорби, но ты понял?
В радостной скорби, хоть и Радость их уже не с ними.
А вверху, в сонме сил небесных,
В хороводе ангелов кружащихся и ангелочков,
В одеяньи цветиками малыми расшитом, белом,
Бело-голубом, светло-синем, синем,
Она — Иоанн к Ней простирает руку,
А другою вот-вот глаза себе прикроет,
Чтобы защититься от Ее сиянья.
Молода, стройна Пренепорочная; легче
ангельских Ее руки;
Лик румян и светел. Теплою волною
Светло-русые кудри стан Ее ласкают.
И небесно-синий
Светит свет в очах Ее, глядящих в небо.
Не бесплотна Благодатная: живет и дышит;
Женственней всех жен Дева-Приснодева,
Краше всей красоты мира, сердцу нашему ярче солнца,
Всей любви, всей жизни земной Царица,
В небо вознесенная, навстречу Сыну,
Матерь и Дщерь Его, Невестная Невеста¹³².

СОБОРНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Северная башня Онзе-ливе-Врауэжерк при кафедральном соборе была воздвигнута в 1521–1530 гг. зодчими А. Келдермансом и Д. де Вагемакере. Колокольня взметнулась над городом на высоту 123 м. Как отмечал Н.Н. Греч, «башня собора, вышиною в 466 французских футов (около 78 сажен), считается одним из драгоценнейших образцов готической архитектуры: она сквозная и, по словам Наполеона, походит на тонкие брюссельские кружева»¹³³.

Отечественному литератору с колокольной не повезло: он был в Антверпене не в самое благоприятное время года. «На башню я не всходил: туманная погода не позволяет видеть вдаль, а это одно вознаграждение за трудный исход по шестистам двадцати двум ступеням, — сетовал Николай Иванович. — Если я не *видал* картины, представляющейся с башни, то *наслушался* ее музыки: каждую четверть часа играют на башне громкие куранты; они очень хорошо слышны в моей квартире»¹³⁴.

Что же касается другого русского путешественника — Д. Горихвостова, то в конце 1820-х гг. ему довелось побывать в Антверпене дважды, и о своем первом посещении этого города он упоминает в связи со знаменитой колокольней при соборе, которую еще император Карл V в XVI в. называл «каменным кружевом». «В прежнее мое пребывание в Антверпене, — вспоминал русский автор, — я всходил на высокую фигурную башню, находящуюся при сем храме (соборном), и помню, как считал сотнями ступени ее»¹³⁵.

Вряд ли Д. Горихвостов мог знать, что задолго до него по этим ступеням на соборную колокольню поднимался Альбрехт Дюрер: «Я дал один штюбер, чтобы меня пустили подняться в Анторфе на башню, которая, говорят, выше страсбургской. Оттуда я мог обозреть город со всех сторон; это очень приятно»¹³⁶, — писал великий немецкий художник.

Путешественники, бывавшие в Антверпене, просто обязаны были совершить восхождение на соборную колокольню. «Церковным альпинизмом» занимался здесь и князь Алексей Мещерский: «Я спешил воспользоваться остатком дня, чтобы взобраться на башню соборного храма: лестница узкая идет винтом и составлена из 622 ступеней, очень трудных для восхода, потому что нет места, где бы можно было остановиться и отдохнуть»¹³⁷. И словно переводя дух, князь Алексей записывает: «В башне, или колокольне, особенно величественного вида, 466 футов высоты. Она вытерпела много пожаров, но уцелела от своих свинцовых водохранилищ, всегда наполненных водой»¹³⁸.

Спустившись с колокольни, русские паломники могли заглянуть в колодезь, сооруженный из кованого железа в конце XV в. (работа К. Массейса). Об истории этого кладезя повествует все тот же Н.И. Греч. «Подле башни стоит старинный колодезь, под железным навесом, работы кузнеца Квентин-Мессиса, который, влюбившись в дочь живописца, бросил свое ремесло, занялся искусством и сделался знаменитым артистом, — пишет Николай Иванович. — Он погребен у западного входа в собор; над могилой его вделан в стену медальон с изображением его лица, молота, наковальни, кистей и палитры»¹³⁹.

ЦЕРКОВЬ СВ. КАРЛА БОРРОМЕО. «ОБЩЕСТВО ИИСУСА»

Прекрасным образцом церковного барокко XVII в. является антверпенская церковь Синт-Каролус-Борromeускерк, выстроенная

в 1614-1621 гг. архитектором П. Хейсенем при участии Ф. Агиллона и знаменитого Питера Пауля Рубенса. (Карло Борромео (1538–1584), кардинал, архиепископ Миланский, был видным участником Тридентского собора (1545–1563) и одним из составителей Тридентского исповедания веры. За свои заслуги в борьбе с Реформацией он был в 1616 г. причислен к лику святых Римско-Католической Церкви.)

Сведения о судьбе этого храма можно найти в записках Н.И. Греча. «Бывшая иезуитская церковь св. Карла Борромейского, выстроенная по рисункам Рубенса и украшенная несравненными произведениями его кисти, сгорела от молнии в 1718 году, — пишет отечественный автор. — Вся внутренность ее сделалась добычей пламени; спасены были только две картины, находящиеся теперь в Венской Галерее. В следующем году восстановили церковь, заменили прежние мраморы новыми»¹⁴⁰.

Русский дипломат А.А. Матвеев, побывавший в Антверпене в 1705 г., мог видеть церковь Карло Борромео еще до пожара 1718 г. — во всей ее красе. В Антверпене А.А. Матвеев посетил знаменитый монастырь иезуитов-болландистов. Эта конгрегация была названа по имени ее основателя Болланда (Jean de Bolland, 1596–1665), начавшего огромное издание «Житий святых» (Acta Sanctorum). В этом издании материал расположен по дням года (начиная с 1 января); под каждым днем собраны все жития празднуемых в этот день святых.

Вот что сообщается о пребывании русского посла в этом монастыре (кляшторе), где его встретили члены «Общества Иисуса»: «В том кляшторе 40 особ регулы, или устава езуицкаго, которых посла зело почтенно приняли, и везде ему все объявляли с высоким почитанием, и в две библиотеки вводили, в одну генеральную в 4-х каморах, где находятся многия тысячи книг разных языков с разделением: в одной книги восточных и западных святых отцов, в другой историческия всех ауторов латинских, в третьей богословныя, в 4-ой каморе всяких языков книги различныя, все с подписанием ясным и с нумерами на всякой ис тех книг.

Другую библиотеку казали, где оне сходятся повседневно для всегдашнего чтения книг, и того ж времени восточных и западных отцов жития помесячно, наченшии с януария, счиняли оне на латинском языке и уже по май месяц тогда были на свет выданы»¹⁴¹.

В начале XVIII в. Антверпен представлял собой крупный центр Римско-Католической Церкви, по словам А.А. Матвеева, «в том же

городе Антверпии разных регул монашеских мужеска и женска полу кляшторов и парахиальных, или прихоцких, с 50 церковей древняго изрядного здания»¹⁴².

Из всех русских авторов, писавших об Антверпене, наибольшей полнотой отличается, пожалуй, книга князя Алексея Мещерского. Особое внимание именитый паломник уделил описанию знаменитых картин Рубенса, находившихся в кафедральном соборе: это «Снятие с Креста» и «Вознесение Богородицы»¹⁴³. В его записках подробно говорится о таких старинных храмах города как кафедральный собор¹⁴⁴, доминиканская церковь св. Павла¹⁴⁵, церковь св. Карла Борромея¹⁴⁶, храм св. апостола Иакова и церковь св. апостола Андрея¹⁴⁷.

Что же касается Н.И. Греча, то он уделяет описанию «прочих» храмов всего несколько строк. «В церквах св. Павла, св. Августина, св. Антония Падуанского, св. Иосифа красуются неocenенные картины Рубенса, фан-Дейка и других великих мастеров, — сообщает отечественный литератор. — В церкви св. Андрея мраморный мавзолей королевы Шотландской Марии Стюарт, воздвигнутый в память ее двумя англичанками. На мавзолее — прекрасный портрет Марии, приписываемый фан-Дейку»¹⁴⁸.

ЦЕРКОВЬ СВ. ИАКОВА (СИНТ-ЯКОБСКЕРК)

Церковь св. Иакова (по-фламандски — Синт-Якобскерк) знаменита тем, что под ее сводами в 1640 г. был похоронен знаменитый фламандский художник. «Рубенс с семейством похоронен в церкви св. Иакова. Простая каменная доска покрывает могилу сего знаменитого живописца»¹⁴⁹, — писал Д. Горихвостов в конце 1820-х гг.

Этот храм возводился с 1491 по 1507 гг. по плану Х. Де Вагемакере. Интерьер церкви украшался с 1602 по 1656 гг. в стиле барокко (скульпторы А. Квеллин Старший и А. Квеллин Младший). В записках Н.И. Греча отмечается, что этот храм «уцелел при опустошении Антверпена иконоборцами». «Шесть боковых приделов (или капелл) украшены мрамором, обогащены драгоценными картинами первостепенных нидерландских артистов, прекрасными статуями и барельефами, — повествует отечественный автор. — Драгоценнейшая из статуй, св. Иакова, трудов Квеллина, возвышается за главным алтарем. На расписных стеклах представлена история императора Рудольфа Габсбургского. В приделе, за главным алтарем, погребен Рубенс со своим семейством <...> Над алтарем капелл

лы мраморное изваяние Пресвятой Девы, привезенное Рубенсом из Италии. В латинской надписи исчислены заслуги и достоинства Рубенса»¹⁵⁰.

Более подробно о могиле знаменитого живописца говорит князь Алексей Мещерский. В 1839 г. он посетил церковь св. Иакова, где «внутри часовня Рубенса, или место погребения всех членов его семейств». «На стене картины самого Рубенса, — пишет русский автор. — Он придумал окружить Богоматерь со Христом Младенцем, лицами своего семейства: своего отца он представил в образе св. Иеронима, первую жену — Марфою, другую — Магдалиною; себя написал св. Георгием, а деду не нашел ничего приличнее аллегорической фигуры времени; своего ребенка поместил в виде ангела.

Странность, понятная только по образу мыслей того времени! Эта картина, также побывавшая в Париже, обыкновенно покрыта занавеской, которую, за умеренную плату отдергивают. Кажется, что сбор назначен в пользу церкви»¹⁵¹.

Подобно своим предшественникам, у гробницы Петра Пауля Рубенса побывал и И. Симонов. «Кто трудами своими и талантом оставил потомству долговечное наслаждение, тот заслужил его благодарность и, вероятно, не было в Антверпене ни одного просвещенного путешественника, который не пришел бы в церковь Святого Иакова поклониться праху Рубенса, — пишет И. Симонов. — Все семейство его погребено под церковью; в помосте ее, над тем местом где положено его тело, вставлена широкая мраморная плита с гербом фамилии Рубенса и с длинной надписью. В этом приделе все оживотворяет его память: «Святая Фамилия (Семейство. — *Авт.*), писанная его кистью и мраморное изображение Пресвятой Девы, работы скульптора Дюкенуа, привезенная из Италии Рубенсом»¹⁵².

ПИТЕР ПАУЛЬ РУБЕНС (1577–1640)

Знаменитый фламандский художник был уроженцем Антверпена. «При наименовании каждого храма, при исчислении всякого собрания художественных произведений Антверпена, встречается имя Рубенса, — пишет Н.И. Греч. — Он составляет славу и величие Антверпена; им гордятся и хвалятся благодарные ученики и последователи»¹⁵³.

Здесь бережно сохраняется дом Рубенса, перестроенный по его проекту, в котором он жил и творил в первой трети XVII в. Питер

Пауль Рубенс пятнадцать лет учился живописи, вначале у местных художников, затем в Италии, копируя картины великих мастеров Возрождения, живших за сто лет до него. Вернувшись, Рубенс вскоре становится властителем моды во фламандском искусстве. Правительница Фландрии Изабелла Австрийская назначает художника главным придворным живописцем.

В записках Н.И. Греча можно найти много строк, посвященных этому выдающемуся мастеру кисти. «Рубенс, царь нидерландских живописцев, избрал столицей своей нетленной славы Антверпен, в котором покоится и прах его, — пишет отечественный литератор. — Не знаю в истории художеств человека, который соединял бы в себе столько неотъемлемых, превосходных достоинств. История прочих художников, с немногими вариантами, есть следующая: родился тогда-то, учился у того-то, принял манеру такого-то, влюбился и женился, или не влюблялся, а женился, был скуп или расточителен, угрюм или приветлив, писал много или мало, умер тогда-то, погребен там-то. А этот исполин XVI и XVII вв., в двадцать три года от роду превзошел своих учителей, людей гениальных и искусных, был чтим и уважаем императорами и королями, исполнил, к общему их удовольствию, многие дипломатические поручения, и во всех странах, куда ни призывала его судьба, оставил великие памятники своего искусства и гения.

Считают с лишком тысячу триста картин его, которые воспроизведены гравюрами. Как художник, он стоит непосредственно подле Рафаэля и Микель-Анджела; как человек гениальный, умный и образованный, равняется с первыми людьми своего века, богатого великими и блистательными характерами. Слава и величие награждали его заслуги, но не заглушали в нем голоса сердечных чувств. Получив в Италии весть о болезни матери, он бросил великолепные дворцы, в которых его угощали и честили (чествовали. — *Авт.*), и поспешил в Антверпен»¹⁵⁴.

Николай Иванович Греч сообщает об одной истории, связанной с домом Рубенса.

Рубенс, склоняясь на просьбы эрцгерцога Альберта, решился забыть любезную свою Италию и поселился в Антверпене. Он купил дом и начал распространять его, по своей прихоти. Соседи его, Общество Стрелецкое, нашли, что он перешагнул своим строением за черту земли, ему принадлежащей. Он утверждал, что это неправда, и между ними возник спор (как недавно у нас, на Невском проспекте, насупротив Казанского собора, между домами Имзена

и Лубье). Спорили, спорили; наконец Рубенс признался, что он не прав, и обязался, в вознаграждение Стрелецкого Общества, написать запрестольный образ для церкви св. Христофора, считавшегося патроном Общества. Рубенс, воспользовавшись значением греческого имени Христофор (Христоносец), написал «Снятие со Креста», причем многие особы несут Христа. По сторонам, на ставнях (volets) изобразил он, в том же смысле, Деву Марию с Елисаветой и святого Симеона Богоприимца.

Но стрелки не были довольны этой аллегорией: они требовали именно изображения св. Христофора: Рубенс написал его на наружной стороне одной ставни и подле него изобразил филина — в знак невежества своих земляков¹⁵⁵.

Вход в дом Рубенса украшен бюстами деятелей античности, он восхищался ими и сам стал образцом для подражания. Яркие, полные жизнеутверждающей человеческой красоты и силы дикой природы (пускай выдуманной, условной) картины принесли Рубенсу необыкновенную славу: это произошло во втором десятилетии XVII в. Выражение «рубенсовские формы» стало нарицательным. Его новый дом был «конвейером», мастерской, где ему помогали ученики — знаменитые впоследствии портретист Ван Дейк, «деревенщик» Иорданс. С 1625 г. на протяжении пяти лет Рубенс выполнял важные дипломатические поручения с миссиями в Голландию, Мадрид, Лондон. Только человек его славы и талантов мог завершить их успешно. Но последние десять лет он провел, отказавшись от светской жизни, в обществе своей второй жены, Елены, натурщицы, послужившей моделью для таких его поздних и наиболее известных потомкам картин, как «Андромеда», «Вирсавия».

В записках Греча изложен любопытный эпизод из жизни Рубенса и Ван Дейка.

Говорят, что однажды ученики Рубенса в его отсутствие убедили слугу впустить их в мастерскую и со вниманием рассматривали эту картину (св. Христофора. — Авт.), только что конченную: один из них как-то поскользнулся, упал на картину, и стер с нее некоторые части. Ученики перепугались и упросили товарища своего, фан-Дейка, поправить беду. Он взялся за это, исправил поврежденное, и на другой день Рубенс, не заметив подделки, сказал: как мне вчера удалась эта головка и эта рука! Так говорят чтители фан-Дейка. Поклонники Рубенса утверждают, что это дело небывалое и несбыточное¹⁵⁶.

Вот еще одно суждение о творчестве Рубенса, связывающее его деятельность с церковно-политическими событиями той эпохи, в которую довелось творить этому великому художнику. По мнению К.А. Скальковского, побывавшего в Антверпене в 1879 г., «чтобы вернее оценить Рубенса, надобно стать на историческую точку зрения, вернуться к эпохе, когда после долголетней борьбы Фландрия была вырвана из рук торжествующего протестантизма, и католицизм, при помощи испанского оружия, снова стал господствующим в стране. Иезуиты, изменив систему Альбы, старались сделать религию в глазах массы приятной и более доступной. У Рубенса ничего, впрочем, иезуитского в характере не было, но католицизм никогда не был во Фландрии отвлеченным и суровым; он всегда оставался там пластическим и человеческим, чувственная сторона преобладала в нем. Для эпохи подобного религиозного возрождения гений Рубенса подходил вполне»¹⁵⁷.

В августе 1840 г. жители Антверпена торжественно отметили 200-летие со дня кончины П.П. Рубенса. Н.И. Греч побывал здесь три года спустя, когда еще были живы воспоминания об этих торжествах, длившихся целых 10 дней.

Важнейшие здания города и дома, в которых жили Квентин-Мессис, фан-Дейк, фан-Веен, Иорданс, Тенирс и другие знаменитые мужи Антверпена, были украшены в виде триумфальных арок, храмов, обелисков, коврами, лентами, зеленью и цветами, с приличными надписями. В Королевском Обществе Наук, Словесности и Искусств и в Фламандском Литературном Обществе читали похвальные речи и стихи Рубенсу, награждали авторов медалью, на сей случай выбитою. На набережной Шельды, в виду расцвеченных флагами кораблей, при пушечных выстрелах и радостных кликах народа, открыли гипсовую модель Рубенсова монумента. В это время фонтан Квентин-Мессиса бил вином, а из фонтана, воздвигнутого в квартале пивоваров, лилось пиво. Вечером иллюминация и фейерверк.

В другие дни происходили торжественные аллегорические поезды, раздаваемы были медали и призы за лучшие произведения ремесл (между прочим, за кареты, сделанные в Антверпене); выставлен был альбом, составленный в честь и память Рубенса из картин, рисунков, акварелей, гравюр, медалей, статуй, книг, карт, принесенных в дар артистами и литераторами бельгийскими и иностранными. Все предметы были разыграны в лотерею между особами, принявшими на свой счет издержки праздника. В один из торже-

ственных дней происходил бег взапуски на шлюпках и лодках по Шельде; в другой была выставка цветов и овощей, возвращенных в Антверпене и окрестностях. Каждый день даваны были концерты, балы, городские и сельские. В предпоследний день иногородние стрелецкие общества имели торжественный въезд в город и остановились на Зеленой Площади. Антверпенское Стрелецкое Общество Вильгельма Телля всенародно угощало их почетным вином из старинных кубков.

Все сие торжество, как говорят, носило на себе печать почтенной старины и неизгладимой в сердцах антверпенцев любви к изящным искусствам, которая блистательно проявляется и в нынешнее время¹⁵⁸.

В дни этого празднества было решено воздвигнуть Рубенсу памятник. К 1843 г. работа над монументом существенно продвинулась. Как отмечал Н.И. Греч, «колоссальная статуя Рубенса, трудов Гифса, уже отлита из бронзы. У ног его лежат свитки и книги дипломата, кисть и палитра художника, шляпа сановника. Долго спорили, где поставить статую. На набережной, в порте, она исчезла бы в пустоте, площадь де Мейр тесна и неправильна. Теперь положено воздвигнуть ее на так называемой Зеленой Площади, неподалеку от собора»¹⁵⁹.

Именно там эту статую годы спустя увидел русский путешественник Н.И. Тарасенко-Отрепков. «Знаменитый католический собор — огромное здание, — писал он в 1871 г. — Его колокольня весьма оригинальна и не лишена своего рода изящества. На небольшой площади, близ ковша порта, воздвигнут памятник живописцу Ван-Дейку, а далее, на довольно большой площади, против помянутого выше собора, поставлен памятник другому живописцу — Рубенсу. Оба памятника бронзовые, хорошей работы»¹⁶⁰.

А.С. Пушкин и Н.И. Греч были современниками и хорошо знали друг друга. Великому русскому поэту не довелось побывать за границей, но в своих стихах он упоминает о великих фламандских художниках. В «Евгении Онегине» Пушкин вскользь говорит о «Вандиковой Мадоне»¹⁶¹, а в одном из лицейских стихотворений (1813 г.) упоминает про Рубенса:

Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился¹⁶².

Миллионы паломников и туристов, посещающие ныне Антверпен, с благоговением и восторгом созерцают шедевры фламандской

живописи в храмах, в Королевском музее изящных искусств и в доме Рубенса. Можно сказать, что город «кормится Рубенсом»; это его величайшая гордость. Об этом красноречиво поведал своим читателям Н.И. Греч. «Из обозрения церквей антверпенских читатели мои могли видеть, в каком почете здесь изящные искусства и как богат город сей редкими произведениями живописи и ваяния, — пишет он. — Любовь к изящному есть преобладающее чувство в Бельгии, особенно в Антверпене. Память великих его артистов, Квентин-Мессиса, Тенирса, фан-Дейка, Иорданса, Крейера и царя их, Рубенса, живет в душе антверпенцев и поощряет их к подражанию великим предкам. Войдите в частный дом: на стенах красуются у богача картины, у бедного — гравюры. Жители окрестных сел, отслушав обедню в соборе, останавливаются перед бессмертными картинами, рассматривают их внимательно и с безотчетной гордостью говорят другу другу: вот наш Рубенс!»¹⁶³.

КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Гордостью Антверпена является Королевский музей изящных искусств, история которого восходит к деятельности гильдии св. Луки (1382 г.). «В Антверпене существует Академия Художеств св. Луки, основанная в 1454 году герцогом Бургундским Филиппом Добрым и обогащенная королем испанским Филиппом IV, — пишет Н.И. Греч. — Она может считаться колыбелью фламандской, или брабантской школы; в ней врожденное чувство изящного нашло удовлетворение и пищу»¹⁶⁴.

С середины XVII в. и до 1773 г., вплоть до ее роспуска, члены гильдии были обязаны приносить в дар Академии изящных искусств свои произведения. Во время французской оккупации в 1794 г. большое число картин было изъято из помещения гильдии св. Луки, ратуши, церквей и увезено во Францию. После закрытия монастырей в 1797 г., более 300 принадлежавших им картин было собрано в помещении бывшего монастыря кармелитов; таким образом создалась основа будущего музея. Сокровища искусства были впоследствии свезены в монастырь францисканцев в Антверпене, где позднее расположилась Королевская Академия изящных искусств.

Оккупанты вывозили из Антверпена во Францию не только картины, но и церковную утварь. «Во время Французской революции кафедральный собор был совершенно опустошен, и в числе дорогих вещей, отсюда похищенных, считают около ста литых под-

свечников и 4 престольных доски из серебра»¹⁶⁵, — пишет А. Мещерский.

Устав Академии был возобновлен 13-го апреля 1817 г. К концу 1820-х гг. относятся записки Д. Горихвостова, побывавшего в антверпенском собрании церковной живописи в тот переходный период. «Я с удовольствием взглянул в Антверпене на музей живописи, составленный из картин собственной школы — фламандской, — пишет русский автор. — Лучшие произведения оной, быв рассеяны по церквам, и превосходные картины Рубенса, Вандика (Ван Дейка. — *Авт.*), Рембрандта, Жордана (Иорданса. — *Авт.*), вырученные из французского плена, ныне находятся в совокупности и составляют достопримечательную картинную галерею, помещенную в одной из упраздненных церквей»¹⁶⁶.

Открытие Королевской Академии изящных искусств состоялось в Антверпене в 1843 г. За год до этого события, в 1842 году, И. Симонов осмотрел знаменитое собрание церковной живописи, составившее основу будущей экспозиции. «Музеум Академии наполнен прекрасными произведениями фламандских художников, и первое место между ними занимает известная картина Рубенса, изображающая распятие Спасителя между двумя разбойниками, — сообщает русский автор своим читателям. — 18 картин Рубенса, 6 ван Дейка и 6 Иорданса украшают Антверпенский музей. Там находится еще очень примечательная картина, на которой изображено с необыкновенным искусством погребение Спасителя. Она писана в 1508 г. антверпенским кузнецом, который в продолжении 20 лет занимался этим ремеслом, и с помощью одного только молотка сковал украшения колодца, находящегося на площади близ собора. Это был Квинтин Метсис»¹⁶⁷.

А в 1843 г. Н.И. Греч смог побывать в только что возрожденной Королевской Академии. «Она помещается в здании бывшего францисканского монастыря (couvent des Recollets), которое ныне значительно распространяется, — пишет Николай Иванович. — Доныне музей ее расположен в бывшей монастырской церкви; теперь выстроено, для помещения его, новое обширное здание, состоящее из трех огромных, высоких зал, освещаемых сверху. Этот музей почти весь состоит из произведений живописцев антверпенских, или писавших в стиле здешней школы: они являются здесь родоначальниками и потомками одного и того же поколения, и это драгоценное собрание представляет нам наглядную историю школы брабантской, родившейся и процветшей в Антверпене»¹⁶⁸.

Русские путешественники неизменно восхищались сокровищами Королевской Академии; к их числу принадлежал и Александр Блок:

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...¹⁶⁹

АНТВЕРПЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дополняя сообщения своих братьев по перу, рассказывавших об Антверпене, Н.И. Тарасенко-Отрешков описывал повседневную жизнь города, которая была тесно связана с традициями Римско-Католической Церкви: «В городе господствующее вероисповедание католическое и это сейчас проявляется изображениями и статуями, выставленными не только у церквей, но даже наружи домов и по углам улиц. Мне сказывали, что здешние католики весьма богомольны. Это весьма вероятно: по дороге я заходил в две католические церкви, и хотя это был будничнейший день, но молящихся было довольно, чего я не видал даже в Италии»¹⁷⁰.

Русский путешественник был в Антверпене вскоре после того, как в разгар франко-прусской войны 1870 г. после отозвания французских войск из Рима итальянские войска заняли «Вечный город». Папская область была ликвидирована; наступил конец светской власти папы. Бельгийские католики были хорошо осведомлены об этих событиях, и Тарасенко-Отрешков в своих записках излагает мнение одного из них на этот счет.

«В провожатые мне был дан фламандец, несколько говорящий по-французски, — пишет русский автор. — Идя мимо церкви, я спросил его: “часто ли он и его подчиненные ходят в церковь?”

Он: Мы католики, должны ходить каждое воскресенье.

Я: Слышали ли Вы, что теперь папа лишен итальянцами светской власти?

Он: Это великое несчастье, и Бог накажет нечестивых, посягнувших на столь тяжкое преступление. У нас теперь есть и такие католики, которые толкуют, что это ничего, но все остальные душевно скорбят, и с духовенством молят Бога о скорейшем наказании нечестивых и возвращении власти святому отцу»¹⁷¹.

В конце XIX в. в России, как и в других странах, началось успешное распространение бельгийского капитала. В Россию потянулись десятки предпринимателей, инженеров, рабочих, чтобы принять участие в строительстве Транссибирской магистрали. Повышенный интерес бельгийцев к материальным и духовным богатствам далекой и загадочной страны расширил экономические и культурные связи, упрочил контакты. С необходимостью общения пришла и необходимость языкового понимания друг друга.

Тогда, в 1897 г., в Антверпене впервые в Бельгии постановлением министра образования было учреждено преподавание русского языка. (Примеру Антверпенского высшего института коммерции последовали Гент и Льеж, а затем — Монс и Брюссель. Первый профессор-славист И. Тайч стал автором первой бельгийской «Грамматики русского языка»¹⁷².)

В марте 1997 года исполнилось 100 лет со времени этого события, и, по инициативе антверпенских научных кругов, было решено отметить знаменательную дату. Юбилей стал событием, примирившим разногласия между институтами фламандских и франкоязычных городов и утвердившим атмосферу деловитости и взаимопонимания.

Три дня, с 4 по 6 марта, в разных аудиториях академического здания института и в Пушкинском центре с участием студентов и выпускников шли заседания и проходили встречи профессоров-славистов Бельгии и России. На протяжении всех трех дней «серьезную» часть юбилея с его научными сообщениями обрамляла то классическая русская музыка — Рахманинова, Скрябина — в исполнении лауреата конкурса королевы Елизаветы Сильвии Трей, то музыка народная — фольклорное трио из Саратова. Состоялась экскурсия по городу, по местам первых русских, которую провел профессор института В. Ронин, автор одной из интереснейших книг «Подданные царя в городе синьоров» (1993). Культурную программу предложили и студенты, продемонстрировав прекрасное знание русского языка и любовь к нему¹⁷³.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Франко-прусская война 1870–71 гг., в ходе которой французская армия потерпела поражение, укрепила немецкое государство, в сферу влияния которого вошли Эльзас и Лотарингия. Сложная политическая борьба, начавшаяся вскоре после окончания военных действий, продолжалась в течение ряда десятилетий и в конце кон-

цов привела к началу Первой мировой войны. Бельгия, имевшая союзный договор с Францией, подверглась нападению немецкой армии, и многие ее города были разрушены.

На территории страны велись активные военные действия; одно из сражений развернулось близ Антверпена. Россия с сочувствием относилась к страданиям бельгийцев и выражала солидарность этой маленькой стране. Одно из стихотворений той поры было озаглавлено: «Бой у Антверпена»; его автор — русский офицер действующей армии Александр Котомкин. (После 1917 г. он оказался в эмиграции; в 1927 г. издал в Париже сборник своих стихов «За Россию», куда и включил стихотворение с посвящением «Его Величеству бельгийскому королю Альберту и народу».)

То не приливы шумящей реки,
То не небесного грома раскаты, —
Нет, то нахлынули немцев полки, —
Пламенем Бельгии села объаты...

Альберт — бельгийцев отважный король,
Не испугался германского гнева:
«Немец грозит нам. Ну, что же, изволь:
С нами да будет Пречистая Дева...»

То не полночная буря гудет,
То не морская колышется пена, —
То за свободу бельгийский народ
Бьется с врагами у стен Антверпена...

С вами бок о бок сражаемся мы, —
Русские воины... Вам на подмогу,
Вышли с молитвою Господу Богу,
Против носителей рабства и тьмы...

Близится грозный возмездия час...
Вспять возвратятся Антверпена воды...
Верьте, бельгийцы, настанет для вас
Счастье заслуженной, вечной свободы¹⁷⁴.

Тем не менее Антверпен был разрушен немецкими войсками, и это породило в России новую волну сострадания мужественным

защитникам страны. В 1915 г. в газете «Донской курьер» было напечатано стихотворение «Привет Бельгии». Его автор — Николай Софийский — посвятил Антверпену и другим старинным бельгийским городам такие строки:

Пусть здесь в развалинах Антверпен твой сожженный,
И Лувен, и Малин, и Гент, и Остендэ...
Ты блещешь славою теперь во всей вселенной,
Равняясь красотой сияющей звезде.

Знай! За тобой стоит здесь со щитом Россия,
И о тебе скорбит ее великий сын,
Он молит за тебя и чувства шлет благие,
Желая светлых благ и радостных годин¹⁷⁵.

Одно из последних предвоенных описаний Антверпена, появившееся в русской печати, зафиксировало для нас «уходящую натуру» — ту атмосферу, которая уже безвозвратно утрачена под натиском социальных потрясений и промышленной цивилизации: «Вот высокая каменная стена женского монастыря; из-за нее слышится стройный хор монахинь, поющих вечернюю молитву. А вот и собор — белая громада, изукрашенная лепными кружевами, статуями и т.д. Десятки поколений рождались и умирали, а постройка собора все еще была незакончена. Своды его покоятся на 125 колоннах. Свет проникает в собор через громадные окна с цветными стеклами. Лучи солнца, от стекол делающиеся красными, синими, зелеными, освещают колонны, фигуры святых, чудесные колонны, написанные знаменитыми художниками, алтарь, весь сверкающий золотом. На колокольнях собора находятся 40 колоколов; главный из них весит 400 пудов и приводится в движение при помощи особых приспособлений; звон его во время ветра слышен на 10 верст в округности...»¹⁷⁶

АНТВЕРПЕН МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Особенно оживилась жизнь города на рубеже XIX и XX столетий. Одни наши русские предки ограничивались лишь посещением Антверпена, другие, напротив, осели здесь надолго. Уже перед Первой мировой войной русские составили треть иностранцев, населявших этот космополитический по своему духу город. До Первой ми-

ровой войны в Антверпене был только один православный храм — греческий приход для моряков. После 1917 г. здесь был образован русский православный приход Константинопольского Патриархата.

Вот отрывок из воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) (1868–1946) о жизни этого прихода в середине 1930-х гг. «Община в Антверпене сначала приписалась к Брюсселю, и владыка Александр посылал туда то протоиерея Вл. Федорова (из приюта Кузьминой-Караваевой), то священника о. Г. Тарасова, то еще кого-то. Когда объединение немного укрепилось, я направил туда молодого священника о. С. Тимченко.

Наша Антверпенская церковь помещается в запасном зале протестантской кирхи. Большой, светлый зал. Прихожан мало, но большинство из них зажиточны; беженской бедноты нет.

Антверпен — огромный порт. Много матросов. Заходят сюда корабли и из СССР. Случается, что кто-нибудь из советских моряков забегает в нашу церковь. В порту есть русские грузчики. О. Тимченко организовал для них общество взаимопомощи.

В настоящее время (1935 г. — *Авт.*) приход возглавляет священник А. Насальский (Богословского Института). Священнику в Антверпене в материальном отношении живется очень трудно; быть может, было бы совсем невозможно, если бы местный староста, доктор Орлов, не оказывал ему гостеприимства. Помогают натурою и некоторые другие прихожане, но часто у священника нет денег на самые необходимые расходы»¹⁷⁷.

С этого времени прошло более полувека, и в 1999 г. в Антверпене был освящен православный храм Рождества Христова (Московский Патриархат)¹⁷⁸.

АНТВЕРПЕН СЕГОДНЯ

«Антверпен получил от Бога Шельду, а все остальное — от Шельды» — есть такая здесь поговорка. Сейчас вместе с пригородами он почти не отстает от миллионного Брюсселя. Река Шельда, говоря словами Александра Блока, «широкая, как Нева», рассекает Антверпен на две части. Над рекой нет мостов: глубоко под Шельдой имеются широкие тоннели; это удобно для транспорта, не мешает океанским судам подходить к антверпенским причалам и не искажает панораму города, украшенную шпилями соборов и церквей.

На набережной Шельды вспоминаются верхарновские строки:

О, мощная река! На набережных стройных
Банкирские дома, дворцов торговых ряд,
И флаги всех земель, повторены, дрожат,
С гербами пышными, в твоих зыбях спокойных.

В начале XX столетия по здешней набережной прогуливался Александр Блок:

Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.
И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой¹⁷⁹.

Через несколько десятилетий поэт русского зарубежья Евгений Раич принял эстафету от Александра Блока:

Антверпен с гаванью веселой,
С широкой пристанью, куда
Приходят поступью тяжелой
Заокеанские суда¹⁸⁰.

Теперь в искусственных бассейнах города разгружаются ежегодно сотни миллионов тонн грузов. И снова, как и в средневековье, Антверпен — аванпорт Германии: суда «река-море» и перевалочные баржи поднимаются по каналу Альберта в Маас, и дальше — на Рейн...

Можно упомянуть и о том, что Антверпен сегодня — крупнейший центр обработки алмазов и торговли бриллиантами: вдоль Пеликанстраат располагаются мастерские гранильщиков, магазины и уникальный музей алмазов «Даймондленд».

Сегодня антверпенский порт — четвертый в мире по товарообороту; в 1998 г. он ежегодно обслуживал 700 кораблей из России. Но когда Петр I в 1717 г. сошел со своей шхуны на берег Шельды, антверпенская гавань была весьма скромной. Это было второе посещение Петром Южной Фландрии; оно отличалось от первого, которое имело место в 1698 г.: Петр приехал не инкогнито, а главой госу-

дарства, разгромившего шведского короля Карла XII, властелином могучей державы. Тем не менее в 1998 г. исполнилось 300 лет со времени первого визита в Антверпен «царя-плотника». В Антверпене этот юбилей широко отмечался: в октябре 1998 г. здесь прошел Петровский фестиваль, началом которого послужила установка памятника Петру I.

Как уже говорилось выше, в 1717 г. царь и его свита были размещены в антверпенском аббатстве св. Михаила. Фасады аббатства выходили на две улицы — Клостерстраат и Римстраат. И вот теперь, 7 октября 1998 г., на небольшой площади, образованной пересечением этих двух улиц, был установлен памятник Петру. Работа московского скульптора Георгия Франгуляна — подарок русского народа Фландрии в память о знаменательном событии¹⁸¹.

Бронзовая фигура царя высотой в два с половиной метра вырастает из овального, слегка наклонного постамента, на котором изображена роза ветров. Позади фигуры царя два ангела развернули ленту с надписью: «В 1717 году на это место ступил русский царь Петр Великий»...

БРЮГГЕ

Ночью руки до плеча растают —
Мы крылаты снова на досуге...

Наши души ночью улетают
На каналы в позабытый Брюгге¹⁸².

(А.С. Головина)

Эти строки, посвященные старинному бельгийскому городу, принадлежат поэтессе русского зарубежья А.С. Головиной. Она попала за границу в 1920 г.; скончалась в 1987 г. в Брюсселе. Брюгге Алла Сергеевна посетила в 1931 г., и город вдохновил ее на стихи: «Чинно звезды сторонятся в небе, / И туманы, подколов вуали, / Нас ведут туда, где черный лебедь / Под мостом вздыхает на канале...»¹⁸³

Западные летописи упоминают о Брюгге уже в VII в., и, когда Балдуин Железная Рука возводил здесь свой замок, он был известен в связи с основанием Брюгге. После окончания строительства, как повествуется в одной из хроник, «для нужд и потребностей обитателей замка начали стекаться к воротам его моста торговцы и продавцы более ценных вещей, затем лавочники, затем содержатели по-

стоялых дворов <...> стали строить дома и устраивать гостиницы, где помещались те, кто не мог обитать внутри замка; и вошло у них в обычай говорить: “идем к мосту”; здесь поселение настолько разрослось, что вскоре образовался большой город, который по сию пору в просторечье носит имя моста, — ведь на их наречии Брюгге значит “мост”»¹⁸⁴.

Россия издавна торговала с Брюгге, но вплоть до XVIII века русские читатели мало что знали об этом городе. «Брюгес — великий город во Фландрии <...> в городе 60 церквей, с довольным числом монастырей <...> он принадлежит королю гишпанскому»¹⁸⁵, — такие сведения о Брюгге могли почерпнуть они в середине XVIII в. Город лежал в стороне от традиционных путей следования русских путешественников, направлявшихся из России во Францию. Но тем не менее, со временем они стали посещать Брюгге, наслышанные о его святынях и церковных достопамятностях.

Свое знакомство с Брюгге русский писатель И. Симонов начал с посещения церкви Богородицы (Нотр-Дам; Онзе-ливе-Враукерк), чья башня высотой 122 м с четырьмя колоколенками видна почти повсюду в Брюгге. Этот храм гордится мраморной скульптурой «Пieta» работы Микеланджело, принесенной в дар церкви в 1514 г. жителями Брюгге Мукроном¹⁸⁶. «В церкви Пресвятой Богородицы, кроме многих прекрасных картин и Божией Матери с Иисусом Младенцем, из белого мрамора, работы Микель-Анжа, находятся 2 примечательных и богатых мавзолея, воздвигнутых Карлу Смелому и дочери его Марии»¹⁸⁷, — пишет И. Симонов о внутреннем убранстве церкви.

Смерть Марии, дочери Карла Смелого (1433–1477), последней представительницы Бургундской династии, значила для фламандцев многое. Бургундская династия была для них символом относительной самостоятельности Фландрии, с ней был связан расцвет городов. Черный мрамор и золотистая бронза надгробия Марии, сделанного в конце XV в. брюссельским мастером Пьером де Бакер, кажется реквиемом «золотому веку» Брюгге. Карл Смелый стремился упразднить зависимость от французского короля и основать независимое государство между Францией и Римской Германской империей. В 1477 г. он погиб в битве при Нанси; в XVI в. по воле Карла V, его правнука, останки Карла Смелого были перенесены из Нанси в Брюгге.

Как и другие бельгийские города, Брюгге славился своим колокольным звоном. Поднявшись на колокольню (Tour des halles)¹⁸⁸,

И. Симонов отметил, что «на ней примечательны часы с колокольной музыкой, сделанные Антоном Гондтом в 1748 году. Главный цилиндр сделан из меди: он весит около 600 пудов. Музыка составлена из 48 колоколов, из которых самый большой имеет 2 1/2 аршина вышины и 3 1/2 в диаметре, а самый меньший в 3 вершка вышиною и в 4 вершка в диаметре»¹⁸⁹.

Одной из святынь, прославивших Брюгге в христианском мире, является рака св. Урсулы, в которой заключены останки этой мученицы, привезенные канцлером Карла Смелого Ансельмом Адорном из Святой земли. Дочь короля Бретани Нотуса (VII в.), известного своей набожностью, св. Урсула, совершив множество богоугодных дел и приняв мученическую смерть, стала одной из почитаемых святых Римско-Католической Церкви. В XV в. житие св. Урсулы изобразил в красках знаменитый фламандский художник Ганс Мемлинг, и сегодня цикл его картин находится в музее Грюнинге в Брюгге; это бывший госпиталь св. Иоанна (фламандск. — Синт-Янс), где монахини-урсулилки ухаживали за больными.

«В церкви Больницы св. Иоанна с великим уважением сохраняется рака св. Урсулы, сделанная в виде прямоугольного здания в 9 вершков вышиной, 14 1/2 длиной и 5 шириной, — пишет И. Симонов. — Она драгоценна золотой отделкой, древностью и в особенности живописью Геммелинга (Мемлинга. — *Авт.*), изображающею мученичество св. Урсулы и 11-ти тысяч дев. Рака закрывается шелковой занавеской; для любопытствующих занавеску открывают и поворачивают раку на шпиле. Там же находится лучшее произведение Геммелинга, изображающее таинственный брак св. Екатерины (вероятно, Сиенской), окруженной братьями и монахинями больницы св. Иоанна, жившими во время Геммелинга»¹⁹⁰.

Другой известной святыней Брюгге, находящейся в самом углу городской площади, является капелла (часовня) Святой Крови. Эту капеллу в XII в. построил Теодорих Эльзасский, граф Фландрский, чтобы поместить в ней раку с каплями Господней Крови, привезенными в 1149 г. из Иерусалима. Этой святыне часовня и обязана своим названием. В 1879 г. здесь побывал русский паломник К.А. Скальковский: «Тут и замечательные картины, и резные вещи, — сообщает он, — но тысячи богомольцев капелла привлекает ежегодно более всего серебряной раззолоченной дарохранительницей, усыпанной драгоценными камнями, пожертвованными знаменитостями нескольких столетий. Католическое предание гласит, что в этом сосуде сохраняется несколько капель крови Спаси-

теля, присланной в начале XII века Бодуэном III, королем Иерусалимским»¹⁹¹.

Тот же русский автор уделил большое внимание монашеской жизни Брюгге. Одной из особенностей, которая была присуща этому городу, являлось наличие бегинажей — обителей, не получивших широкого распространения за пределами страны и малоизвестных на христианском Востоке. Поэтому К.А. Скальковский подробно излагает историю этого женского ордена. «Осматривая все углы Брюгге, я зашел в так называемый Бегинаж, основанный в XIII столетии Жанною Константинопольскою на островке, соединенном подъемным мостом, — пишет русский паломник. — Огромный двор засажен высокими старыми деревьями; кажется, я еще подобных и не видывал. Вокруг стоят старинные здания и небольшая церковь. Тишина царствует мертвая. *Beuginages* — род женских общежитий, существующих только в Бельгии и Голландии»¹⁹².

По преданию, первая община бегинок была основана еще в XII веке известным льежским проповедником Ламбертом Косноязычным (*Begue*)¹⁹³. Первыми бегинками были вдовы или девушки, которые, не приняв монашества, предавались молитвам, умерщвлению плоти и уходу за больными. Их труды упоминаются уже с XII в. в городах, где избыток женского населения обрекал многих на безбрачие. Самым совершенным образцом их была Мария из Уаньи, которая после нескольких лет брака разошлась с мужем, посвятила себя долгое время уходу за прокаженными и под конец поселилась с несколькими подругами около маленького монастыря Уаньи в Намюрской провинции¹⁹⁴. Бегинки прилежно трудились в мастерских, иные воспитывали детей в богатых семьях.

Русский исследователь приводит некоторые версии относительно происхождения названия этого ордена и сообщает о его дальнейшей истории: «Происхождение этого учреждения, название которого не умею перевести по-русски, в точности неизвестно: одни производят его от французского святого Бега, другие от глагола молиться — по-фламандски *beggen*, — пишет К.А. Скальковский. — Оно существует уже около шестисот лет и имеет целью принимать в свою среду женщин, желающих жить скромно, вдали от света, посвящая себя делам милосердия. Никаких, однако, религиозных обетов бегинки не дают; поэтому не только император Иосиф II не коснулся их при уничтожении большей части монастырей в Бельгии, но бегинажи, за их заслуги человечеству, были пощажены даже французскими революционерами, разрушавшими в близоруком

усердия в Нидерландах все памятники старины, до надгробных монументов включительно»¹⁹⁵.

Можно сопоставить эти сведения с более поздними данными, появившимися в русской печати в начале XX в. По словам одного путешественника, побывавшего здесь через три десятилетия после К.А. Скальковского, «бегинами называются нидерландские сестры милосердия; любопытное учреждение это благополучно миновало все бури истории; его пощадила даже сама революция, признав, что “эти учреждения всегда были посвящены облегчению участи больных и бедных”. Происхождение “бегинажа”, по-видимому, очень древнее; по мнению одних, начало им положила святая Бегга, которая основала первый бегинаж в VII в., другие же его основание приписывают епископу Льежскому Ламберу Бэг, который будто бы учредил этот орден в XII в.»¹⁹⁶.

«Происхождение бегинских общин не является столь исключительно делом Ламберта, как это принято думать, — пишет знаток этого вопроса А. Пиренн. — Томас из Кантимирэ сообщает, что бегинажи возникли в Нивелле. Поэтому возможно, что их название следует производить от имени св. Бегги, сестры св. Гертруды, патронессы этого города. Бегинские общины появились в XII веке, но слово *beghina* встречается лишь с XIII в.»¹⁹⁷.

Далее можно сравнить сообщения авторов, которые пишут о монастырском быте бегинков, дополняя один другого. «Чтобы быть принятой в бегинаж, девушка или вдова должна иметь аттестат беспорочной нравственности и доход в 26 рублей в год; она платит, кроме того, при вступлении 30 рублей единовременно. Окончательный прием делается только через два года, по большинству голосов»¹⁹⁸, — читаем у К.А. Скальковского.

«Организация бегинажа довольно любопытная; чтобы добиться принятия, каждая желающая должна заранее заручиться согласием своих будущих товарок, затем доказать, что имеет годовой доход в 110 франков, и 500 франков должна единовременно внести на содержание храма. Первые шесть лет проводятся в положении послушничества, причем эти испытуемые живут как в монастыре, все вместе; по окончании же этого срока они могут уже удалиться в эти, такие живописные, домики, в каждом из которых имеется от 2-х до 4-х квартир»¹⁹⁹, — пишет один из зарубежных авторов И. Изар в книге «Современная Бельгия», опубликованной в России в 1914 г.

«Молодые сестры живут вместе, а по прошествии шести лет получают право жить отдельным хозяйством в одном из маленьких

домиков, содержащих от двух до четырех квартир. Каждый подобный домик носит название какого-нибудь святого — своего патрона. Бегинки имеют право, если хотят, уступить часть квартиры, за плату, какой-нибудь старой женщине, родственнице или посторонней»²⁰⁰, — дополняет К.А. Скальковский приведенные сведения.

Для большей наглядности дальнейшее изложение монастырского быта бегинок можно привести в параллельном сопоставлении строк обоих авторов.

К.А. Скальковский: «Для управления своего они избирают начальницу (Groot jungfrouw), которой подчиняются безусловно, равно как и правилам их учреждения»²⁰¹. И. Изар: «Они дают обет бедности, чистоты и повиновения “старшей даме”, но отнюдь не связаны на всю жизнь и, если угодно, всегда могут удалиться»²⁰².

К.А. Скальковский: «Они носят особый старинный костюм и обязаны два раза в день слушать церковную службу»²⁰³. И. Изар: «Единственная их обязанность — это три раза в день являться на богослужение, а именно: на восходе солнца, в полдень и вечером. Последняя служба называется “лоф”, т.е. поклонение бегинок, и проникнуто какою-то особенной поэзией; с наступлением часа, когда горизонт окутывается синей мантией ночи и тихо зазвонит маленький колокол капеллы, из всех домиков выходят бегины и длинными темными рядами направляются к храму»²⁰⁴. К.А. Скальковский: «[Бегинажи —] это весьма достойные учреждения, прокармливающие выделкой кружев и другими рукоделиями несколько тысяч беспомощных старух. Само собою разумеется, что для уединенной и спокойной жизни бегинажей Брюгге чистейшая находка; самые значительные бегинажи имеются, впрочем, в Генте»²⁰⁵. И. Изар: «Бегинажи в Бельгии служат последним надежным убежищем кружевной промышленности. Единственными опытными кружевницами, вполне сохранившими секрет настоящих брюссельских “пуантов” и малинских вышивок, являются старые сморщенные бегины, которые остатки своего зрения, при смягченном стеклянным шаром с водой свете лампы, употребляют на плетение этих воздушных тканей, образцы которых, как верх тонкости и художества, скоро останутся только в музеях»²⁰⁶.

Спят кружевницы в своих подвалах
И во сне привычными руками
Ворожат в узорах небывалых,
Что цветут вверху над чердаками²⁰⁷.
(А.С. Головина)

К.А. Скальковский: «Каждая желающая может всегда покинуть учреждение; в таких случаях внесенные при поступлении деньги возвращаются. Бегинки гордятся, однако, что подобных случаев было чрезвычайно мало»²⁰⁸, — такими словами русского автора можно закончить описание быта и традиций бельгийских бегинажей. Но здесь же можно привести еще некоторые сведения о бегинажах, которые излагаются в сочинении знатока этой темы А. Пиренна.

«Бегинские общины достигли в середине XIII века невиданного расцвета. Из валлонских частей страны, где они возникли первоначально, они вскоре распространились во фламандские области, проникнув здесь даже в самые небольшие города, — отмечается в сочинении А. Пиренна, изданном в Москве в 1937 г. в переводе на русский язык. — Так, например, во Фландрии до 1275 г. бегинские общины существовали в Генте, Брюгге, Лилле, Ипре, Арденбурге, Оденарде, Исендике, Остбурге, Дамме, Гистелле, Куртрэ, Дейнзе, Алосте, Термонде и т.д.»²⁰⁹. «Создание бегинских общин вызвало вскоре появление бегардов (beghini), которые были отмечены в Брюгге уже в 1252 г. Они жили согласно уставу св. Франциска или св. Доминика и занимались ткачеством, — сообщает тот же автор. — Менее многочисленные, чем бегинки, они распространились, подобно им, в других странах и проникли в Германию и Францию. Таким образом, Нидерланды, с давних пор получившие от своих южных соседей новые монашеские ордена и новые стимулы духовной жизни, передали им, в свою очередь, новый институт, родившийся на их почве из взаимодействия их общественных сил»²¹⁰.

Прошло больше столетия с тех пор, как К.А. Скальковский побывал у бегинков в Брюгге. Много с тех пор здесь изменилось. «Ныне в здании Бегинажа — монастырь бенедиктинок, — пишет современный отечественный исследователь. — Неслышными шагами проходят монахини в черных плащах и белых косынках, лица их приветливы, движения уверенны и спокойны»²¹¹. Эту духовную атмосферу почувствовала и передала в своих записях известная русская художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева, побывавшая в Брюгге в начале XX в.: «Нигде я так ясно не чувствовала близкого родства музыки с архитектурой, как в этом очаровательном городке... Все кругом очень стройно, приветливо, красиво»²¹².

И сегодня в Брюгге сохраняется та же благодатная умиротворенность, о которой неизменно говорят современные паломники, посещающие этот старинный город: «В этой религиозности, спокойной

служащей здравому смыслу, в этом неприхотливом обыденном изяществе, в естественной неторопливости и миниатюрной солидности быта ощутимы прочные связи прошлого и настоящего, ощутима подлинная, устойчивая тишина минувшего. То, что в центре города может показаться изящной декорацией, здесь — плоть повседневной жизни, религия глубоко вросла в восприятие и привычки горожан; то, что для приезжего просто история, для старожилов — сегодняшний день»²¹³.

Прощаясь с Брюгге, приведем строки из стихотворения Аллы Сергеевны Головиной:

А когда колокола застонут
И кружевниц ослепят рыдания,
Нас лучи готические тронут
И мы птицам скажем: до свиданья...²¹⁴

* * *

Брюж, Брюгге, один из знаменитейших городов Бельгии, был в XIV веке средоточием всемирной торговли. В нем поселились фактории или комиссионерства семнадцати королевств; жили двадцать чужестранных министров; сюда приезжали торговые люди из стран неведомых. Самой большой славы и блеска достиг Брюж в начале XV века, когда в нем был двор герцогов Бургундских. Тогда процветали в нем живописцы Иоанн и Губерт ван-Эйк, родоначальники Фламандской школы. В Брюже учрежден был в 1450 году знаменитый орден Золотого Руна, герцогом Филиппом Добрым, при бракосочетании его с Изабеллой Португальской. Золотым Руном означалось богатство Фландрии, изобиловавшей шерстью и шерстяными товарами.

И это богатство, это благоденствие, эта промышленность давно исчезли. Фабрики и торговля упадают более и более. Число жителей уменьшилось до сорока пяти тысяч, между коими пятнадцать тысяч бедных. В Брюже живут богатые капиталисты, удалившиеся от дел, но такие люди только считают свои деньги, а в оборот не пускают. Быстрое обеднение Брюжа способствовало к сохранению в нем многих старинных зданий, и он более всех других городов Бельгии носит на себе характер Средних веков. Станция железной дороги окружена старинными колоннадами и сводами: это бывший Пятничный Рынок, на котором граждане Брюжа 30-го Марта 1128 года,

избрав в графы Фландрские Дидие Алзатского (Эльзасского. — *Авт.*), отреклись от повиновения Вильгельму Нормандскому, которого поддерживал король французский.

Вскоре вышел на большую площадь. С одной стороны ее возвышалось большое готическое здание с высокой башней, которое я почел было ратушей. С другой представлялись взору старинные дома разнообразной постройки. На площади было много народу. Женщины в черных салопках с черными капюшонами, словно монашенки. Раздался звук барабана. Солдаты выстроились перед караульной. Забили зорю. Музыка играла, и очень хорошо, мелодии, мне новые и неизвестные. Густая толпа народа ее окружала. Чуждый посреди этой толпы, перенесенный в неведомый дотоле мир, я был в каком-то очаровании. Кончилась музыка. Толпа разошлась. Остались на улице немногие, и опять черные тени женщин забродили в полумраке. Я стоял в раздумье и переносился умом в Средние века. Декорация та же; костюмы старинные; язык того же века.

Ко мне подошел какой-то человек, сколько видно было в сумерках, порядочно одетый, и спросил учтиво по-французски, не иностранец ли я. — «Точно так», — отвечал я, — «за час пред сим прибыл я в Брюж и брожу здесь под самыми разнообразными впечатлениями, не зная, что вижу и что слышу. Что это за площадь? Что это за здания?» — «С удовольствием удовлетворю вашему любопытству», — отвечал он: «Мы теперь на большой Торговой площади. Это готическое здание — Ряды (*les Halles*). Оно построено в XIII веке. В одной его части мясные лавки, в другой, гауптвахта и контора городских сборов. Посмотрите, как величественна высокая готическая башня над Рядами: теперь, ночью, глядит она как привидение. На ней был деревянный шпиц: он сгорел лет за сто пред сим».

В эту минуту заиграли на башне куранты. «Они играют каждую четверть часа, — сказал мой вожатый, — и считаются лучшими в Европе: они состоят из сорока семи колоколов, разделенных на четыре октавы». — В самом деле, мне показались они звонче и приятнее всех слышанных мною». — «С этой (другой) стороны видите Вы Суконные ряды: они построены лет за пятьдесят пред сим и не заслуживают внимания. Но вот два любопытных дома: в этом, на углу улицы, называемом Краненбург, граждане Брюжа заключили, было, императора Максимилиана, когда он не хотел отдать сына своего, Филиппа, под опеку Франции. Папа грозил им проклятием. Императорское войско шло на них. Буйные головы настояли на своем. Теперь в этом доме шинок. В другом доме, на углу улицы

Св. Аманда, жил Карл II, король Английский, по изгнании его из отечества».

Я поблагодарил приветливого толкователя, и он взялся проводить меня домой. Мы пошли кривыми улицами, мимо старинной церкви, окруженной высокими густыми деревьями. Черная тень женщины стала на пути нашем, и, протянув иссохшую руку, глухим голосом по-фламандски просила подаяния. Я дал ей два су; она удалилась с благословениями. Вожатый мой сказал мне, что в Брюже редко кто подает милостыню, потому что все сами ходят здесь по миру, и, конечно, на другой день в нищенском мире распространится слух, что в Брюж приехал щедрый английский милорд. У ворот гостиницы простился я с незнакомцем, искренно поблагодарив его за обязательное руководство.

На другой день начал я свои странствия с семи часов утра. Сначала отправился я в Академию Художеств, и в ее музее видел картины фан-Эйка и Мемлинга, трудами которого славится Брюж. Тут же выставлены некоторые работы учеников Академии, подающих большие надежды. Удивительно, какая деятельность, какой гений художественный возникли в Бельгии!

Церкви Брюжа равномерно богаты прекрасными произведениями старинного искусства. Собор Спасителя (La Cathedrale du St. Sauveur), готическое здание XIV века, выстроенное из кирпича, снаружи очень некрасиво: тяжело, грубо, обезображено новыми пристройками и лишилось башни своей от пожара в 1839 году; но во внутренности своей красуется изящными картинами Мемлинга, де-Фоса, фан-Ооста и других.

В Церкви Богородицы (Notre Dame) находится изваяние Богородицы с Предвечным Младенцем, приписываемое Микель-Анджелу. В этой церкви достойны замечания гробницы Карла Смелого (ум. в 1477) и дочери его Марии. На мраморных досках лежат бронзовые статуи отца и дочери. По стенам Мариина саркофага красуются богатые щиты с гербами провинций, которые Мария принесла в приданое Австрийскому Дому. Память сей прекрасной и добродетельной царицы живет в Нидерландах. Беременная, она провожала супруга своего на охоте в окрестностях Брюжа, упала с лошади и, боясь огорчить супруга, скрывала от него смертельный свой недуг.

Подле сей церкви находится старинный госпиталь Св. Иоанна, в котором ходят за больными Сестры Милосердия. В небольшой церкви его, сказывают, есть многие драгоценные произведения Мемлинга. Ян Мемлинг, служивший солдатом в армии Карла Сме-

лого, в 1477 г., после сражения при Нанси, раненый, больной, в ветхом рубище, прибрав в Брюж, был принят благочестивыми монахинями и, выздоровев, употребил все свои силы и способности для украшения их храма. Я не мог войти во внутренность сей церкви за какую-то помехою, и очень о том жалею. Мне сказывали, что находящиеся в ней художественные сокровища не имеют подобных себе в мире.

Ратуша в Брюже — прекрасное готическое здание с шестью башенками и странными слуховыми окнами в высокой крыше. Фасад состоит из шести огромных окон во всю стену. Стоявшие в нишах между окнами статуи графов Фландрских разбиты революционерами в 1793 году. Потолок состоит из деревянного свода. Стропила его пускают от себя стрельчатые дуги, украшенные изящной резьбой. В ратуше находится городская библиотека и есть несколько редких картин. В архиве ее гниют драгоценные документы Средней Истории. В числе их есть реестр лотерейных выигрышей в Брюже в 1446 году. Из этого явствует, что лотереи возникли не в Италии, а в Нидерландах, и ранее, нежели как полагают.

Насупротив ратуши находится дом присутственных мест (Palais de Justice), здание отчасти новое. В отделении уголовной палаты, именно в комнате заседания присяжных (Jury), есть художественная драгоценность Брюжа, единственная в мире. Это огромный камин, покрытый резьбой на мраморе и на дереве. Он сделан в 1529 году. Над камином резные деревянные статуи Карла V, Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского (его бабки и деда), далее Карла Смелого и Маргариты Йоркской (его прадеда и прабабки); в малых медальонах — родители его — Филипп Прекрасный и Иоанна Арагонская. На белом мраморном фризе изображена история целомудренной Сусанны. Все это окружено арабесками, гирляндами и т. п., самой изящной и нежной работы.

К верхней доске наличника приделаны медные скобы, за которые придерживались рыцари, отогревая ноги, озябшие в верховой езде. Весь этот памятник свидетельствует о совершенстве искусства и о терпеливости художников XVI века.

Странствия по Брюжу заключил я посещением дома Стрелцкого Общества. Братства стрельцов (societes d'archers ou d'arbalitiers) существовали в Нидерландах с XIII века. Они состояли из людей свободного звания, упражнявшихся в стрельбе в цель из лука и усердно служивших на войне. Поступавший в сие сословие присягал в верности братству и начальникам города, обязывался испол-

нять приказания старшины, которого величали королем стрелецким, мирился с теми из собратьев своих, с которыми был в ссоре. Ростовщиков и развратных исключали из братства. Многие из них отличились неустрашимостью в войне и благородными поступками в мире.

Государи и вельможи вписывались в списки стрельцов и оказывали им покровительство. Общества ездили в гости из города в город и были угощаемы братьями своими радушно и великолепно. Много переменялось в Бельгии, а братства стрелецкие существуют поныне. В Брюже их два: Св. Георгия и Св. Севастиана. Я посещал дом последнего, в Кармелитской улице, отличающийся небольшой готической башенкой. Члены сего общества в старину сопровождали графов Фландрских на поездках их, защищали город в случае опасности и оказывали ему разные услуги. В 1656 году король английский Карл II и брат его, герцог Глостерский, оставив волнуемое мятежами отечество свое, вписались в члены сего братства и завещали ему по смерти своей значительные суммы. Герцог подарил ему серебряную стрелу со своим гербом. Общество, получив вследствие сего завещания три тысячи шестьсот гульденов, построило залу для собраний и украсило ее мраморным бюстом короля и портретом герцога. Нынешний король бельгийцев внес свое имя в список членов, пожаловал обществу титул королевского и подарил ему портрет свой. На дворе выстроена длинная галерея, в которой члены (братства) забавляются стрельбой в цель в ненастное время. Разумеется, что ныне сии общества утратили свою старинную значительность и служат только местами и средствами приятного препровождения времени, но достойны внимания и любопытства, как живые памятники причудливой эпохи Средних веков.

Старинные здания Брюжа обветшали, памятники разрушились, драгоценные произведения искусств отчасти развезены по другим городам, но одно достояние принадлежит ему исстари поныне: это красота женщин. Во всей Бельгии не видал я таких прекрасных, выразительных черных глаз: из-под черного капюшона на белом правильном лице, под высоким челом и живописными бровями блестят они, как на ярких красках картинах Мемлинга. Во всех домах плетут кружева; идучи по улице, слышишь стук коклюшек и взглянешь в окно: поднимется головка, и две звездочки засверкают, как в ясную ночь на синем небе.

Остенд город не очень красивый и, имея коммерческий порт, не так опрятен, как прочие города Бельгии. Хороших зданий, старин-

ных или новых, в нем нет, но достойны внимания его укрепления. Испанцы три года (с 1601 до 1604) осаждали его, и он сдался только по приказанию Генеральных Штатов. Осажденные потеряли в течение сего времени пятьдесят, а осаждавшие — восемьдесят тысяч человек. Испанский генерал Спинола, вступив в город, нашел в нем одни развалины. Значительность Остенда увеличилась с 1830 года, и теперь в нем 12000 жителей. Англичане, отправляющиеся на Рейн, избирают преимущественно путь через Остенд, особенно для того, чтобы избежать привязок французской таможни в Кале и Дюнкхене.

¹ Мещерский А. Записки путешественника. М., 1842. С. 264–265.

² Там же. С. 265–266.

³ Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847. С. 184–185.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 244.

⁶ Греч Н.И. Парижские письма... С. 185.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Там же. С. 185–186.

⁹ Там же. С. 186.

¹⁰ Данте А. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1977. С. 311. (Чистилище. Песнь 20, ст. 46–48).

¹¹ Греч Н.И. Парижские письма... С. 186.

¹² Там же. С. 186–187.

¹³ Там же. С. 192–193.

¹⁴ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. Л., 1974. С. 97.

¹⁵ Греч Н.И. Парижские письма... С. 187.

¹⁶ Там же. С. 187–188.

¹⁷ Там же. С. 188.

¹⁸ Цит. по: Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 38.

¹⁹ Там же. С. 39–40.

²⁰ Греч Н.И. Парижские письма... С. 193–194.

²¹ Там же. С. 193.

²² Там же. С. 193.

²³ Православная энциклопедия. Т. IV. С. 581.

²⁴ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 94.

²⁵ Греч Н.И. Парижские письма... С. 189–190.

²⁶ Православная энциклопедия. Т. IV. С. 581–582.

²⁷ Цит. по: Русский дипломат во Франции... С. 38.

²⁸ Русский дипломат во Франции... С. 40.

²⁹ Греч Н.И. Парижские письма... С. 192.

- ³⁰ Русский дипломат во Франции... С. 39.
- ³¹ Там же. С. 39.
- ³² Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 124.
- ³³ Русский дипломат во Франции... С. 38.
- ³⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. История Петра. М., 1950. С. 233.
- ³⁵ Греч Н.И. Парижские письма... С. 190.
- ³⁶ Цит. по: Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 12.
- ³⁷ Греч Н.И. Парижские письма... С. 190.
- ³⁸ Там же. С. 191.
- ³⁹ Там же. С. 190–191.
- ⁴⁰ Там же. С. 191.
- ⁴¹ Там же. С. 191.
- ⁴² Там же. С. 191.
- ⁴³ Там же. С. 196–197.
- ⁴⁴ Мещерский А. Записки путешественника. С. 271–276.
- ⁴⁵ Там же. С. 269–270.
- ⁴⁶ Греч Н.И. Парижские письма... С. 197.
- ⁴⁷ Там же. С. 197.
- ⁴⁸ Мещерский А. Записки путешественника. С. 276.
- ⁴⁹ Русский дипломат во Франции... С. 40.
- ⁵⁰ Там же. С. 40.
- ⁵¹ Цит. по: Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 103.
- ⁵² Мещерский А. Записки путешественника. С. 274.
- ⁵³ Там же. С. 275–276.
- ⁵⁴ Симонов И. Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году. Казань, 1844. С. 248.
- ⁵⁵ Мещерский А. Записки путешественника. С. 276.
- ⁵⁶ Греч Н.И. Парижские письма... С. 197.
- ⁵⁷ Седова Т.А. Художественные музеи Бельгии. М., 1973. С. 36.
- ⁵⁸ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 129.
- ⁵⁹ Рот Р. Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. СПб., 1761. С. 97.
- ⁶⁰ Ненашев А.П. Бельгия, Голландия и Лондон. М., 1911. С. 56.
- ⁶¹ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. С. 101.
- ⁶² Греч Н.И. Парижские письма... С. 188–189. О гентском вечевом колоколе см.: Пантелеева С.В. Нидерланды и Бельгия. СПб., 1905. С. 139–141.
- ⁶³ Греч Н.И. Парижские письма... С. 192.
- ⁶⁴ Мещерский А. Записки путешественника. С. 279.
- ⁶⁵ Блок А. Письма к жене. М., 1978. С. 274.
- ⁶⁶ Изар И. Современная Бельгия. Пг., 1914. С. 167.
- ⁶⁷ Греч Н.И. Парижские письма... С. 198.
- ⁶⁸ Там же. С. 198.

- ⁶⁹ Мещерский А. Записки путешественника. С. 277.
- ⁷⁰ Там же. С. 277.
- ⁷¹ Греч Н.И. Парижские письма... С. 197.
- ⁷² Православная энциклопедия. Т. IV. С. 414.
- ⁷³ Греч Н.И. Парижские письма... С. 198.
- ⁷⁴ Православная энциклопедия. Т. IV. С. 414.
- ⁷⁵ Греч Н.И. Парижские письма... С. 198–199.
- ⁷⁶ Православная энциклопедия. Т. IV. С. 414.
- ⁷⁷ Греч Н.И. Парижские письма... С. 199.
- ⁷⁸ Православная энциклопедия. Т. IV. С. 414; О бегинках в Генте см.: Ненашев А.П. Бельгия, Голландия и Лондон. С. 59–60.
- ⁷⁹ Цит. по: Русский дипломат во Франции... С. 40.
- ⁸⁰ ЦГАДА. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 1. 1705. № 2. Л. I об. (см. указ. соч., с. 241, примеч. 24).
- ⁸¹ Греч Н.И. Парижские письма... С. 199.
- ⁸² Там же. С. 200.
- ⁸³ Вега М. Полюнь Парижа. Б/г. С. 36.
- ⁸⁴ Греч Н.И. Парижские письма... С. 200.
- ⁸⁵ Там же. С. 201–203.
- ⁸⁶ Седова Т.А. Художественные музеи Бельгии. С. 37.
- ⁸⁷ Ниберг Р. Путешествие по Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии и Нидерландам в 1828 и 1829 годах. СПб., 1831. Ч. III. С. 84.
- ⁸⁸ Там же. С. 82.
- ⁸⁹ Симонов И. Записки и воспоминания... С. 245.
- ⁹⁰ Там же. С. 261–262.
- ⁹¹ Там же. С. 245.
- ⁹² Седова Т.А. Художественные музеи Бельгии. С. 37–38.
- ⁹³ Шаховская З. Перед сном. Париж, 1970. С. 53.
- ⁹⁴ Пекстад И., прот. Православие в Бельгии // Альфа и омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. № 3 (6). М., 1995. С. 210.
- ⁹⁵ Там же. С. 209–210.
- ⁹⁶ Там же. С. 212.
- ⁹⁷ Греч Н.И. Парижские письма... С. 141.
- ⁹⁸ Мещерский А. Записки русского путешественника. С. 235.
- ⁹⁹ Там же. С. 235.
- ¹⁰⁰ Греч Н.И. Парижские письма... С. 146.
- ¹⁰¹ Там же. С. 141.
- ¹⁰² Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1904. С. 408.
- ¹⁰³ Симонов И. Записки и воспоминания... С. 259–260.
- ¹⁰⁴ Греч Н.И. Парижские письма... С. 143.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 143–144.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 141.

- ¹⁰⁷ Там же. С. 141–142.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 146.
- ¹⁰⁹ Русский дипломат во Франции... С. 34.
- ¹¹⁰ Там же. С. 35.
- ¹¹¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. История Петра. С. 233.
- ¹¹² Петр I в Париже // Отечественные записки, 1822. Ч. 12. № 30–32. С. 147–148.
- ¹¹³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. История Петра. С. 233.
- ¹¹⁴ Мещерский А. Записки путешественника. С. 237.
- ¹¹⁵ Греч Н.И. Указ. соч. С. 144.
- ¹¹⁶ Там же. С. 144–145.
- ¹¹⁷ Там же. С. 142.
- ¹¹⁸ Цит. по: Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге... С. 26–27.
- ¹¹⁹ Русский дипломат во Франции... С. 35.
- ¹²⁰ Рот Р. Достопамятное в Европе... С. 13–14.
- ¹²¹ Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова. М., 1786. С. 15.
- ¹²² Греч Н.И. Парижские письма... С. 146–147.
- ¹²³ Там же. С. 147.
- ¹²⁴ Симонов И. Записки и воспоминания... С. 254–256.
- ¹²⁵ Греч Н.И. Парижские письма... С. 148.
- ¹²⁶ Там же. С. 150.
- ¹²⁷ Там же. С. 150.
- ¹²⁸ Там же. С. 150.
- ¹²⁹ Там же. С. 150–151.
- ¹³⁰ Там же. С. 151.
- ¹³¹ Вейдле В. На память о себе. Стихи. Париж, 1979. С. 73. (примеч.)
- ¹³² Там же. С. 25–27.
- ¹³³ Греч Н.И. Парижские письма... С. 147.
- ¹³⁴ Там же. С. 151.
- ¹³⁵ Горихвостов Д. Записки россиянина, путешествовавшего по Европе. М., 1832. Т. II. С. 356.
- ¹³⁶ Цит. по: Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге... С. 27.
- ¹³⁷ Мещерский А. Записки путешественника... С. 253.
- ¹³⁸ Там же. С. 239.
- ¹³⁹ Греч Н.И. Парижские письма... С. 151.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 152.
- ¹⁴¹ Русский дипломат во Франции... С. 35–36.
- ¹⁴² Там же. С. 36.
- ¹⁴³ Мещерский А. Записки путешественника... С. 243–245.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 240–245.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 245–247.

- ¹⁴⁶ Там же. С. 247–248.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 248–252.
- ¹⁴⁸ Греч Н.И. Парижские письма... С. 152.
- ¹⁴⁹ Горихвостов Д. Записки россиянина... Т. II, С. 356–357.
- ¹⁵⁰ Греч Н.И. Парижские письма... С. 151–152.
- ¹⁵¹ Мещерский А. Записки путешественника... С. 250.
- ¹⁵² Там же. С. 257.
- ¹⁵³ Греч Н.И. Парижские письма... С. 152.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 147–148.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 148–149.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 149.
- ¹⁵⁷ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. СПб., 1880. С. 176.
- ¹⁵⁸ Греч Н.И. Парижские письма... С. 152–153.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 153.
- ¹⁶⁰ Тарасенко-Отрешков Н.И. Записки в поездку во Францию, Италию, Бельгию и Голландию. СПб., 1871. С. 478–479.
- ¹⁶¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1937. С. 53.
- ¹⁶² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 18. Стихотворение «Монах».
- ¹⁶³ Греч Н.И. Парижские письма... С. 155–156.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 156.
- ¹⁶⁵ Мещерский А. Записки путешественника... С. 240.
- ¹⁶⁶ Горихвостов Д. Записки россиянина... Т. II. С. 356.
- ¹⁶⁷ Симонов И. Записки и воспоминания... С. 257–258.
- ¹⁶⁸ Греч Н.И. Парижские письма... С. 157.
- ¹⁶⁹ Блок А. Антверпен. Цит. по: Песни о Бельгии, собранные Евгением Вильчинским. Пг., 1916. С. 61.
- ¹⁷⁰ Тарасенко-Отрешков Н.И. Записки... С. 480.
- ¹⁷¹ Там же. С. 480.
- ¹⁷² Катанова С. Сто лет русского языка в Бельгии (1897–1997) // Русская мысль. № 4172. 1–7 мая 1997. С. 13.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Котомкин Александр. За Россию. Париж, 1927. С. 81–82. Действующая Армия, 1914 г.
- ¹⁷⁵ Софийский Николай. Привет Бельгии // «Донской курьер». № 45. 1915. Цит. по: Песни о Бельгии, собранные Евгением Вильчинским. Пг., 1916. С. 11.
- ¹⁷⁶ Бельгия — страна героев // Война. Пг., 1915. № 20. С. 13.
- ¹⁷⁷ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 426.
- ¹⁷⁸ Газета «Православный Санкт-Петербург». 1999. № 12 (90). С. 2.
- ¹⁷⁹ Блок А. Антверпен. Цит. по: Песни о Бельгии, собранные Евгением Вильчинским. С. 61.

- ¹⁸⁰ Раич Е. Современник. Париж, 1965. С. 41.
- ¹⁸¹ Докторова Л. Петровские дни во Фландрии // Русская мысль, № 4242, 22–28 октября 1998. С. 15.
- ¹⁸² Головина А.С. Городской ангел. Избранные стихи. Брюссель, 1989, С.125.
- ¹⁸³ Там же. С. 125.
- ¹⁸⁴ Fagniez: Documents relatifs a l’Histoire de l’industrie et du commerce en France. 1. 95. Цит. по: Средневековье в его памятниках. М., 1913. С. 115.
- ¹⁸⁵ Рот Р. Достопамятное в Европе... С. 38.
- ¹⁸⁶ Ненашев А.П. Бельгия, Голландия и Лондон. С.63.
- ¹⁸⁷ Симонов И. Записки и воспоминания... С. 240.
- ¹⁸⁸ Об истории колокольни см.: Симонов И. Записки и воспоминания... С. 241.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 241–242.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 239–240.
- ¹⁹¹ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 160.
- ¹⁹² Там же. С. 164.
- ¹⁹³ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937. С. 331.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 331.
- ¹⁹⁵ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. .
- ¹⁹⁶ Изар И. Современная Бельгия. С. 168.
- ¹⁹⁷ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. С. 331, примеч. 2.
- ¹⁹⁸ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 165.
- ¹⁹⁹ Изар И. Современная Бельгия. С. 169.
- ²⁰⁰ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 165.
- ²⁰¹ Там же. С. 165.
- ²⁰² Изар И. Современная Бельгия. С. 168.
- ²⁰³ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 165.
- ²⁰⁴ Изар И. Современная Бельгия. С. 169.
- ²⁰⁵ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 165.
- ²⁰⁶ Изар И. Современная Бельгия. С. 169.
- ²⁰⁷ Головина А.С. Городской ангел. С. 125.
- ²⁰⁸ Скальковский К.А. У скандинавов и фламандцев. С. 165.
- ²⁰⁹ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. С. 332.
- ²¹⁰ Там же. С. 332.
- ²¹¹ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге... С. 134.
- ²¹² Там же. С. 156.
- ²¹³ Там же. С. 134.
- ²¹⁴ Головина А.С. Городской ангел. С. 125.